

ДЖУД
ДЕВЕНО

ЛИНДА
ХОВАРД

МАРГАРЕТ
ЭЛЛИСОН

МАРИЯ
СТЮАРТ

СТЕРЭНН
ХОУМ

*Полночное Небо
любви*

Знаменитые Джуд Деверо и Линда Ховард! Восходящие звезды «любовного романа» Маргарет Эллисон, Мария Стюарт, Стеф Энн Холм! Что это? Это полночная мгла, в которой одинокие сердца согревает пламя любви. Это дар неподдельной страсти, властно вторгающейся в жизнь. Это волшебные мгновения, которые переживаешь лишь однажды. Это чувство и чувственность, романтика и нежность. Любовь — такая разная и такая похожая. Любовь на все времена!

- [Стюарт Мария](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Стюарт Мария

Только в моих мечтах

*Кэtti и Бэки, наполняющим светом всю мою жизнь,
посвящается.*

Глава 1

«Лендровер» весело покрывал миллю за милей. Куин Холистер мчалась под полуденным солнцем по маршруту 191 где-то в шести милях от Биллингса, штат Монтана, с твердым намерением успеть домой к ужину. Уверенная, что даже неожиданный буран не сможет помешать ей в пути, она сбавила скорость, чтобы включить музыку. Покопавшись в большой синей сумке, Куин после некоторого раздумья выбрала рождественскую песенку, в самый раз подходящую для того, чтобы напевать ее по дороге в небольшой городок Ларксмур, а затем, сразу за ним, на Ранчо высоких лугов, где на праздник собирается вся ее семья.

Куин выехала из Мизулы на рассвете, заранее подготовившись к дороге. Девушка собиралась пробыть дома две недели до возвращения в Монтану, где она в течение семестра заменяла преподавателя, который попал в автомобильную катастрофу. Через месяц занятия закончатся, а во втором семестре начнет работу постоянный преподаватель. Однако Куин пока не решила окончательно, остаться ли ей в Мизуле или вернуться на ранчо. Она писала и иллюстрировала книги для детей и могла работать где угодно. В настоящий момент Куин была свободна и еще не определилась, каким из проектов займется в будущем. Так или иначе, на следующие две недели работа была отложена, и она просто собиралась хорошо провести время со своей семьей.

Где бы ни находились потомки Кэтрин и Хэпа Холистер, все они съезжались на Рождество домой. И ни у кого из них никогда не возникало желания праздновать его где-нибудь еще.

Ранчо высоких лугов было их родным гнездом, и они собирались здесь, чтобы поболтать в семейном кругу и отведать рождественских сладостей. Старый бревенчатый дом пах Рождеством — только что срубленной сосной, корицей, ванилью и имбирем; в эти дни он был похож на картинку в журнале каждое окно и каждую дверь украшали рождественские венки. На полу в столовой, под окнами, уже, стояли бутылки красного кларета, за которым специально ездили в Биллингс.

На пианино в большой комнате выростала рождественская деревенька Кэтрин, и огоньки фарфоровых домиков сверкали как маленькие звезды.

В канун Рождества они все соберутся у камина, и тот, чья очередь будет в этом году, прочтет всей семье «Рождественскую ночь». Родные, любимые лица, освещенные теплым огнем... И на некоторое время споры и подтрунивания, неизбежные в такой большой семье, прекратятся. Даже простая мысль об этом озаряла улыбкой лицо Куин, и, сама не сознавая этого, она сильнее надавила на газ.

В зеркале заднего вида неожиданно выросли горы, где когда-то вызывали духов индейцы. В Харлоутауне она переехала через реку Масселшел и проехала указатель на Мартинсдейл, куда последние недели многие жители Монтаны приезжали, чтобы купить рождественского гуся в колонии гуттеритов — общине немецкоговорящих фермеров, бежавших в начале девятнадцатого века из России и Австрии от религиозных преследований. Колония гуттеритов была неотъемлемой частью пейзажа Монтаны и славилась качеством своих продуктов. Куин знала, что семейные традиции Холистеров требовали, чтобы на Рождество был подан по крайней мере один хороший гуттеритский гусь, приготовленный особым образом.

Жирный гусь... ростбиф и йоркширский пудинг... Обеденный стол будет просто

ломиться от праздничных блюд, приготовленных для семьи и друзей. Данхэмы, родственники, живущие по другую сторону холма, будут обязательно, еще, возможно, кое-кто из соседей и все, кого Холистеры захотят пригласить в этом году. Все это было рождественской традицией на Ранчо высоких лугов.

Выбивая пальцами на рулевом колесе мелодию «Маленький барабанщик», Куин взглянула на часы. Она как раз успевала. В это время года никто не может с уверенностью сказать, какой будет погода. Солнце уже начало медленно опускаться к горизонту, когда она свернула направо с шоссе на последний участок двухполосной дороги к Ларкспуру. Проезжая мимо школы на окраине города, она окунулась в воспоминания. На поле за школой ее брат завоевал награды в чемпионате штата по бейсболу и футболу. Вокруг поля была беговая дорожка, на которой Куин соревновалась в беге на длинную дистанцию, а ее сестра Сюзанна — или, проще, Санни — на короткую. А дальше за полем были площадки, где девочки могли поиграть в софтбол. Младшая Холистер, Элизабет-Лиза, три года входила в сборную штата, все это казалось таким далеким.

Приближаясь к въезду в город, она немного притормозила. Аккуратные фасады домов были знакомы ей так же хорошо, как и ранчо в пяти милях отсюда, на котором она выросла.

Широкая улица деловой части города была украшена рождественскими огнями. Справа у первого поворота стоял универсальный магазин Хиллера, который был одновременно и продуктовым магазином, и аптекой. Рядом находилось кафе «Жемчужина» — пожалуй, самое приличное место в радиусе пятидесяти миль, где можно было перекусить, и вдобавок единственное место в городе, где можно было купить газету, журнал или книгу. Прямо напротив «Жемчужины» располагался магазин спортивных товаров, который наверняка пользовался бешеным успехом в это время года, а рядом с ним — небольшое строение белого цвета, служившее одновременно муниципальным зданием, библиотекой и почтой. Офис доктора Беллоуза, местного ветеринара, находился на следующем углу, а напротив него медицинское учреждение, обслуживающее людей. Дальше шли подряд: «Коралл» — единственное в городе заведение, работающее после десяти вечера, «Таун шоп» — магазин, знаменитый разнообразием джинсовой одежды, и «Тилстром», в течение многих лет торгующий сельскохозяйственным оборудованием. Вот, пожалуй, и все достопримечательности города Ларкспур, штат Монтана, с населением в 3127 человек.

За деловой частью города находилась жилая часть — пять кварталов аккуратных улиц с опрятными домами, многие из которых были построены еще в те времена, когда Ларкспур процветал. Тогда здесь разрабатывались месторождения золота, свинца и серебра, а сапфировые рудники славились на весь мир своими чистыми голубыми камнями. Когда шум вокруг рудников поутих, многие занялись разведением скота. Холистеры и их близкие родственники Данхэмы, живущие за Голубой горой, зарабатывали на жизнь как на рудниках, так и работой на ранчо. Двумя кварталами ниже, на Альдере, находились архитектурные памятники Ларкспура — дома первых поселенцев, которые покинули рудники с полными карманами, пришли в город, занялись торговлей, построили прекрасные поместья для своих семей.

Повинуясь минутному капризу, Куин повернула налево и сбавила скорость, чтобы взглянуть на особняки, украшенные к празднику. Куин усмехнулась, вспомнив, что, когда ей было около двенадцати, она не могла понять, почему Холистеры должны жить так далеко от города, на ранчо, ведь многие ее друзья жили среди тихого великолепия Альдера. Но восхищение городом быстро прошло, и Куин уже больше не жалела о своем деревенском

происхождении.

Чем дальше она отъезжала от центра, тем все менее презентабельными становились дома, лишённые интереса с точки зрения архитектуры; и, наконец, последняя маленькая улица с крошечными бунгало и одноэтажными блочными домами привела к озеру, которое обозначало северную границу города.

Куин знала, что в это время дня на замерзшем озере будет полно любителей кататься на коньках. Не в состоянии противиться желанию, она притормозила на небольшой стоянке справа, заглушила двигатель и на минутку положила руки на руль перед тем, как выйти из машины и пройти по замерзшей тропинке к озеру.

Наполовину скрытая небольшими белыми соснами, посаженными два года назад Комиссией по улучшению состояния озера, Куин спрятала руки в карманы джинсов и наблюдала за вечерним шоу, которое разыгрывалось на этом озере каждую зиму с тех пор, как в этой долине человек впервые надел коньки. Местами лёд был глубоко изрезан, и для тех, кто не смотрел, куда едет, катание на коньках становилось небезопасным. Группа подростков проехала на коньках мимо нее, держась за натянутую веревку. Она увидела, как один из мальчиков, державшийся за самый конец веревки, неожиданно споткнулся, его ноги взлетели вверх, и он приземлился на лёд. Куин видела, что ему больно, но мальчик все равно смеялся, довольный тем, что увлек за собой большую часть цепочки, и не одному подростку пришлось тормозить об лёд мягким местом.

Куин отошла в тень сосен, улыбаясь и вспоминая те далекие зимние дни, когда она развлекалась точь-в-точь так же, как и это новое поколение молодых жителей Ларкспура, — каталась на коньках, веселилась, флиртвала, промерзала до костей, но все же смеялась и, да, несомненно, флиртвала. Многие увлечения зарождались именно здесь. Да о чем тут говорить, на катке влюбились друг в друга ее родители! И сама Куин бегала на коньках по этому льду, а за ней гонялся ее школьный возлюбленный. Точно так же, как эти.

Она с интересом наблюдала, как мимо нее пронеслась на тонких сверкающих коньках девушка. Ее шапка была в руках парня, который убежал от нее. Девушка с криками гналась за ним, ее длинные каштановые волосы развевались, лицо разгорелось от погони. Куин вздохнула, охваченная ностальгией. Не была ли и она когда-то девчонкой, бросившейся в погоню по озеру за парнем, который делал вид, что не обращал на нее внимания? И не закончится ли эта погоня в одном из самых удаленных уголков озера, где парень украдкой коснется холодными губами ее губ? А потом они вернутся назад к цепочке и будут снова и снова проигрывать эту сцену до самой темноты.

О да, Куин так хорошо знала эти забавы!

А где, интересно, ее старые коньки? Может быть, ей удастся уговорить сестер покататься с ней на озере как-нибудь днем на предстоящей праздничной неделе. Будет здорово вновь заскользить по льду, подумала Куин, затем засунула руки в карманы куртки и обнаружила там смятую долларовую купюру. Она пошла по твердой как камень земле к небольшой стойке, где конопатая девушка продавала горячий шоколад под бело-зеленой деревянной вывеской «Вся выручка от продажи идет в фонд организации „Молодежь Ларкспура“». Куин показала один палец, и девушка налила чашку горячего какао, украсила его взбитыми сливками, закрыла чашку крышкой и протянула через узкий прилавок Куин.

Над катком быстро сгущались сумерки, и кое-кто уже потянулся к краю озера и делал первые неловкие шаги по заснеженной земле. Тем, кто поменьше, пора было возвращаться домой. Девушки звали своих сестер, наклоняясь, чтобы помочь детям развязать коньки и

переобуться. Та, у которой отобрали шапку и которая смеялась и заигрывала, отбирая ее, сейчас склонилась над своей сестренкой. До боли знакомая сцена.

Когда-то и Куин вот так же помогала не хотевшей уходить с катка Лизе. Как это было давно!

Но есть ситуации, которые повторяются во все времена.

Пора было и ей ехать домой. Куин повернулась и напрямик пошла к машине, грея руки чашкой с горячим напитком.

Она села в машину, включила печку, и по ее телу пробежала дрожь. Был холодный день, и температура быстро падала по мере того, как садилось солнце. Она развернулась на Озерной дороге и на минуту остановилась; ее взгляд был прикован к маленькому зеленому домику в стороне от дороги. Все тот же маленький зеленый домик, на который она старалась не обращать внимания с того момента, как решила остановиться у озера.

Старого гаража, когда-то стоявшего в конце грунтовой дороги, больше не было, так же как и семьи, жившей здесь когда-то: парень, девочка, их бабушка и иногда их отец, в те редкие дни, когда вспоминал о своих детях. Куин была в этом доме лишь однажды, когда умерла бабушка. Шестнадцатилетняя, по уши влюбленная в парня, Куин пришла с цветами и пирогом, так же как делала ее мать, когда умирал кто-то из соседей. Она стояла на ступеньках и стучала в дверь, чувствуя себя взрослой. Парень приоткрыл дверь, и она смогла увидеть, что в доме было мало мебели, а его отец сидел на единственном старом стуле в тусклой гостиной. Парень был ошарашен тем, что она пришла, и не пригласил ее войти в дом. Позднее, на похоронах старой женщины, Куин стояла между отцом и матерью и видела, как лицо парня исказилось гримасой боли, когда легкий гроб опускался в могильную яму, и ей хотелось подойти к нему, обнять, утешить.

«Что ж, — безжалостно напомнила себе Куин, — того парня уже давно нет, так же как нет и той девчонки, какой я была, когда любила его».

Куин развернула машину и направилась к городу по дороге, которая вела к ее дому «Лендровер» без усилий двигался по занесенной снегом дороге Слева, в полумиле впереди, Куин видела огни ранчо, мерцающие желтым светом на фоне покрытых снегом горных склонов. Она уже почти чувствовала запах жаркого, которое мама обещала приготовить на ужин, а на десерт — пирог с клюквой и изюмом. Куин ехала домой, и у нее текли слюнки в предвкушении всего этого.

Кейлеб Маккензи стоял на крыльце домика, построенного более ста лет назад братом его прапрадеда, и прислушивался к ночной тишине Где-то в сосновом лесу за домиком раздавался шорох, и он думал о том, какой, интересно, зверь может красться сейчас сквозь тьму Когда-то давным-давно Кейлеб мог узнать по звуку любого зверька, скрывающегося ночью в горах, но это время ушло. Слишком долго он отсутствовал, слишком много лет провел в городах на востоке Соединенных Штатов.

Он даже не знал наверняка, кто населял сейчас горы, какие животные были вынуждены покинуть эти места с тех пер, как он оставил Ларкспур.

Где-то внизу, в долине, мерцали янтарем огни ранчо Холистеров маленькие яркие свечки в ночи Когда он проезжал мимо ранчо два дня назад, на какое-то мгновение у него возникла мысль заехать к ним Он был уверен, что Хэп и Кэтрин Холистер будут рады увидеть его Хэп был тренером местной молодежной лиги, и именно он обучил Кейла всем тонкостям и премудростям бейсбола Тогда Кейл и Скай Холистер были друзьями, играли в одной бейсбольной команде и провели не один час, тренируясь на поле за сараем Холистеров.

Они могли играть и на поле в Ларкспуре — Кейл жил в городе, и поездка на велосипеде на ранчо под безжалостным, палящим солнцем Монтаны была долгой. Но в доме Ская было всегда тепло и уютно, чего никак нельзя было сказать о доме Кейла Его отец был водителем-дальнобойщиком, проводившим в пути те редкие дни, когда был трезв, мать бросила их много лет назад, и Кейл со своей младшей сестрой Вэлери проводил гораздо больше времени в домах своих друзей, чем в своем Миссис Холистер всегда приглашала его к столу, а ее муж, обнаружив в мальчике невероятные физические способности, проводил массу времени, тренируя и обучая его. Еще до окончания школы Кейл знал, что, если у него не будет травмы, его ожидает карьера профессионального бейсболиста. Интересно, кем бы он сейчас был, если бы не тренер Холистер Вряд ли тогда ему удалось бы попасть когда-либо в высшую лигу.

Кейл все чаще стал ночевать на ранчо Холистеров. Иногда мальчики спали в амбаре или в одном из старых сараев Но когда он подросток, спать в сарае было уже не так интересно.

Куда лучше было ночевать на ранчо, где он мог, если повезет, встретиться с сестрой Ская Все дочери Холистера были просто великолепны, от старшей, Си-Си, до младшей, Лизы. Но только одна занимала его, только с одной были связаны все его юношеские мечты.

Всю свою жизнь Кейл был влюблен в Куин Холистер.

Она казалась ему самой прекрасной девушкой на свете. Высокая и яркая, с длинными каштановыми волосами, с глазами того же глубокого светло-зеленого цвета, что и кусочек морского стекла, который когда-то привезла ему из Флориды тетя, Куин была его первой и единственной любовью. Даже сейчас, спустя много лет, Кейл мог закрыть глаза и представить, как она летит по холмам на своем жеребце, как мерцают, словно нимб, ее волосы и развеваются за спиной подобно реке, Прекрасна. Прекрасна, как нежные лучи солнца, последние отблески которых догорают сейчас где-то за ее домом.

И самым чудесным было то, что Куин тоже его любила.

Если он изо всех сил трудился, чтобы получить хороший аттестат, то только для того, чтобы доказать Куин, что он достоин ее. Если он проводил час за часом в бесконечных

тренировках по бейсболу, то не только для того, чтобы осуществить свою мечту и стать звездой высшей лиги, но и для того, чтобы обеспечить свое будущее с ней. Он даже прошел досрочно два последних года колледжа, чтобы принять предложение профессиональной бейсбольной команды Балтимора «Харбормастер» и иметь возможность; зарабатывать достаточно, чтобы быть достойным ее.

Кейл считал себя счастливейшим парнем на планете, когда в день своего двадцатилетия подписал свой первый контракт на игру в высшей лиге и сделал предложение тогда еще семнадцатилетней Куин, а она восторженно обняла его и дала согласие. Однако мистер и миссис Холистер не пришли в восторг оттого, что их дочь бросит колледж и окунется в семейную жизнь. И хотя Куин пообещала окончить колледж в Мэриленде, где будет играть Кейл, родители были непреклонны. Как бы они ни любили Кейла, но о свадьбе и речи не может быть, пока невеста не окончит колледж.

Куин кричала и плакала, но не смогла убедить родителей дать согласие на их брак. И тогда они решили действовать на свой страх и риск: убежать из дома.

Кейл не переставал удивляться, почему по прошествии стольких лет боль не стихала. Сердце по-прежнему болело, по-прежнему кружилась голова, когда он вспоминал, как ждал ее прямо здесь, на этом самом месте, на крыльце старого домика, где они договорились встретиться. Когда солнце начало медленно опускаться к холмам, Кейл понял, что Куин не придет.

Неужели он действительно подумал, что такая девушка, как она, бросит все, что у нее есть, ради сына водителя-алкаша?

Кейл вытащил из кармана билет на самолет, тот самый, который он купил для своей невесты, разорвал на мелкие кусочки, залез в свой старенький черный пикап и захлопнул дверцу.

Грузовичок несся по грунтовой дороге мимо ранчо Холистеров, а Кейл пытался сдержать слезы горечи и унижения. Он ехал на аэродром Галлатин, что в восьми милях от Бозмэна.

Если он поторопится, то успеет на самолет в Денвер, а оттуда он полетит в Балтимор. Один.

Кейл добился известности и славы в высшей лиге, но так ни разу и не вернулся в Монтану, к этому домику, где когда-то мечтал о счастливой жизни со своей единственной настоящей любовью. А сегодня он здесь.

Кейл потерял плечо — его все еще беспокоила боль от травмы, которая однажды жарким августовским вечером в Кливленде положила конец его карьере. Позднее Кейл просматривал видеозапись этого трагического для него эпизода. Он смотрел на то, как два человека столкнулись в воздухе, и был спокоен, как будто это происходило с кем-то другим. Снова и снова он перематывал пленку, вопреки очевидному надеясь, что для тела не столкнутся, не упадут на землю, одно — под опасным углом. Но это произошло. И каждый раз он чувствовал землю под своим плечом, слышал треск ломающейся кости. Две хирургические операции помогли ему восстановить силу, но не подвижность. Он никогда не сможет играть — в этом сомневаться не приходилось.

И вот сейчас Кейл стоял на крыльце старого домика в горах, вглядывался вдаль и думал, правильно ли он сделал, что приехал сюда. В этом году сестра наняла бригаду строителей, чтобы отремонтировать домик, уже много лет стоявший пустым и заброшенным. Работы были закончены осенью, и Вэл провела здесь два месяца, прячась от городской жизни, к

которой так и не привыкла, спасаясь от многочисленных обязанностей профессиональной модели, которые, казалось, вот-вот захлестнут ее с головой.

Хотя Кейл и Вэлери выросли в городе, они провели не один летний день в горах и гордились своей привязанностью как к старому, ветхому домику, так и к легендам, которыми был овеян образ его первого хозяина, Джеда Маккензи. Конечно, изменения, которые сделала Вэл, немало бы удивили ее предка, холостяка, консерватора, всю свою жизнь прожившего в полном одиночестве в этом домике и умершего здесь же много лет назад.

Вэлери обнаружила, что поездка в горы обернулась прекрасным отдыхом, и в этом году смогла убедить Кейла, что отдых в горах будет так же полезен и для него. Она сделала запасы продуктов сразу после Дня благодарения и на Рождество рассчитывала встретиться здесь с братом и его сыновьями.

— Будет здорово, Кейл, вот увидишь, — обещала Вэлери. — Только ты, я и твои ребяташки. Ты непременно захочешь приехать сюда еще раз...

Кейл не был в этом уверен, особенно сейчас, когда начал сомневаться, прилетит ли самолет Вэл в Льюистаун до бурана, который мог спуститься с гор и вывести из строя все пути сообщения, включая и аэропорт. И он мог прекрасно обойтись без воспоминаний, преследующих его в этом домике. Он стряхнул с ботинок снег и направился внутрь.

Огонь встретил его своим теплом как старого Приятеля.

Кейл сел на стул около двери и снял ботинки. В толстых шерстяных носках он прошел по сосновому полу так тихо, как только мог, чтобы не разбудить двух спящих дьяволят, его сыновей-двойняшек. Эрик и Эван спали на разных концах дивана, два четырехлетних малыша, укрытых большим теплым, ручной вязки, пледом, который подарила Кейлу соседка миссис Линдли, когда он уезжал в колледж в Бозмэн. Кейл сложил дрова у камина, добавил еще одно полено, думая, будить ли детей на ужин. Конечно, они совершенно вымотались во время дневной прогулки по глубокому снегу. Кейлу тоже хотелось вздремнуть, но последнее время он плохо спал по ночам и боялся, что дневной сон приведет к еще одной долгой бессонной ночи.

Он пошел на маленькую кухню, чтобы вскипятить воды и приготовить кофе, надеясь, что на сей раз это ему удастся.

Испорченный всеми удобствами, которые дают человеку деньги, он забыл, как готовить кофе на старой плите, хотя сегодня утром в этом отношении наметился прогресс. Любопытно, Вэл обновила почти все в доме, но не стала заменять старую плиту.

Она находила, что у пищи, приготовленной на этой плите, есть свой особый вкус, и ни за что не хотела расставаться с ней, утверждая, что благодаря этому не утратила дух первопроходцев. Очередная причуда Вэл, подумал Кейл. Они есть у каждого. Он добавил молока в чашку и попробовал горячий кофе.

Гораздо лучше. Он снял его не слишком поздно.

Осторожно поставив чашку на выдавший виды кленовый столик, Кейл подвинул любимое кресло-качалку своего предка Джеда поближе к огню и открыл книгу, которую начал читать прошлой ночью. Нигде не было такой тишины, как в этих горах. Она и успокаивала, и настораживала его. Он так давно не был в этих краях, что уже не чувствовал себя здесь как дома, но все же обнаружил, что по-прежнему любит горы и не забыл, что такое тишина. Кейл вздохнул, откинулся в кресле и углубился в чтение нового популярного триллера.

Верхнее полено скатилось вниз и ударилось о стенку камина, и он бесшумно поднялся, чтобы положить его на место.

Эрик шевельнулся, и его нога вылезла из-под одеяла. Они были такими милыми, когда спали. И такими маленькими чертенятами, когда бодрствовали. Он печально подумал, что секрет воспитания его детей, возможно, заключался в постоянных тренировках, как, например, сегодняшняя прогулка по горам.

Невольно Кейл вспомнил прошлое Рождество и большой дом под Балтимором, который уговорила его купить жена, Джоу Бетт. Но и этот роскошный особняк ее не устраивал.

Джоу Бетт Уилкинс преследовала Кейла Маккензи с той ночи, когда они познакомились, до того дня, когда они наконец поженились. Уже во время свадебной церемонии у него было неприятное предчувствие того, что он об этом пожалеет. Но Джоу Бетт была настойчивой, а он устал постоянно увиливать от брачных уз и, проявив слабость, согласился жениться на ней. Когда Кейл спохватился, было уже поздно. Она страшно расстроилась, когда поняла, что беременна, но, узнав, что у нее двойня, решила, что, раз родилось сразу двое, ее работа сделана и она избавлена от необходимости повторить это еще раз. Как только родились дети, она наняла няню, съездила на курорт и занялась своей работой, вновь став женой профессионального бейсболиста. Нужно признать, у Джоу Бетт это великолепно получалось.

В тот день, когда стало ясно, что его дни в бейсболе сочтены, она собрала вещи и вернулась в Теннесси — с остановкой в Неваде у адвоката для оформления развода, — оставив Кейлу мальчиков, няню и дом, который он сразу же продал и отослал ей чек на половину суммы. Она прислала ему копию свидетельства о разводе с поздравительной открыткой, и с тех пор он о ней ничего не слышал.

* * *

Когда Куин оказывалась в своей старой комнате, которую делила с Си-Си, она всегда сталкивалась лицом к лицу с прошлым. На рассвете она потянулась, зевнула и перевернулась на другой бок, рассчитывая поспать пару часиков в первый день отпуска, но каждый раз, когда она закрывала глаза, на нее накатывалось новое воспоминание. В этой комнате она писала и стихи, и любовные письма, делала многочисленные записи — от восторженных до полных отчаяния — в дневнике. Когда ей было двенадцать, она поссорилась с Си-Си и разделила комнату на две половины, которую ни одна из них не решалась переступить неделями. Позже в том же году она и Санни сидели на краю этой самой кровати и смотрели, как Си-Си превращается из деревенской девушки в принцессу, готовясь к студенческому балу. А через два года и Куин надела шикарное платье с веточкой лаванды и почувствовала себя вполне взрослой, опираясь на руку Кейлеба Маккензи.

Это было их первое настоящее свидание после ничего не значащих приветствий в школе или на бейсбольном поле, куда Куин приходила с отцом и братом как бы для того, чтобы посмотреть, как играет Скай, Хотя и понятия не имела о том, на какой тот играет позиции. Она не могла отвести взгляд от Кейла. Когда он робко пригласил ее на большой студенческий бал, Куин подумала, что небеса послали ей драгоценнейший из своих даров.

Бал был именно таким, каким должен быть первый большой бал. Куин и Кейл танцевали и болтали, танцевали и болтали и наконец — наконец! поцеловались на заднем

сиденье машины, которую Билли де Уитт одолжил по такому случаю у старшего брата. Позднее Кейл признался, что не договаривался о встрече со Скаем, опасаясь, что тот может застукать его целующимся со своей младшей сестрой, чем, собственно, и планировал заняться Кейл.

С тех пор они всегда были вместе. Куин и Кейл. Последние два года в школе и первые два года в колледже они были отчаянно влюблены друг в друга и знали все секреты, все мечты друг друга. Кейл был ее первой и самой большой любовью, и Куин в голову не могло прийти, что их ждет разлука.

Молодые люди планировали такую замечательную жизнь, и Куин не могла дождаться, когда они начнут ее.

С первого курса колледжа за Кейлом охотились профессиональные команды, он согласился на стипендию в штате Монтана в городе Бозмэн, потому что это было недалеко от дома и от Куин. На втором курсе он уже знал, что должен жениться на ней как можно скорее. Они были молоды, и Куин была уверена, что ее родители помогут им осуществить эти планы. В конце концов, ее Мать была не намного старше Куин, когда вышла замуж.

Каково же было удивление Куин, когда родители смертельно испугались, услышав, как их семнадцатилетняя дочь объявила, что они с Кейлом-собираются пожениться на следующей неделе после ее выпуска. Со слезами на глазах она уверяла их, что они все продумали и поедут в Монтану, а когда Кейл закончит учебу через два года, она переведется в колледж, где он будет играть в профессиональной команде. Но отец с матерью холодно отказали им в своем благословении.

— Ради Бога, Куин, тебе же всего семнадцать, — вздыхала Кэтрин.

— Мама, я люблю Кейла...

— Дорогая, я верю, что ты так считаешь. Но мы с отцом думаем, что ты еще слишком молода, чтобы принимать подобные решения. Куин, ты же даже из Монтаны ни разу не выезжала. Тебе нужно посмотреть мир — побывать в разных городах, расширить свой горизонт.

— Единственный город, куда я хочу поехать, это в Бозмэн с Кейлом. Расширить свой горизонт я смогу, став женой Кейла.

— Куин, послушай меня. — Кэтрин присела на край кровати дочери. — Дай себе время подумать. Подожди хотя бы пару лет...

Пару лет! С таким же успехом можно было попросить подождать пару жизней.

Итак, Кейл встретился с тренером команды Балтимора, который давно его звал к себе, и сделка была заключена. Он уедет из Монтаны, но возьмет с собой Куин. Они поженятся, как только прилетят в Мэриленд. Куин обещала, что Хэп и Кэтрин приедут. Она поступит в колледж поблизости, а Кейл будет делать карьеру в бейсболе. Жизнь будет великолепной.

Куин нередко задумывалась, была бы жизнь действительно такой великолепной, если бы осуществились все их мечты?

Она прождала у домика до темноты, когда ей стало ясно, что он в конце концов решил уехать без нее. Она вернулась домой и заставила себя непринужденно спросить, не звонил ли Кейл. Он не звонил.

Куин медленно поднялась в свою комнату, легла на постель и, так тихо, как только могла, рыдала до тех пор, пока не выплакала все свои слезы. На следующий день она уехала в горы и сделала свойственный семнадцатилетнему сердцу драматичный жест — швырнула его кольцо со склона Лысой скалы и поклялась никогда впредь не называть его имя, если

только ей не придется. Не решившись сказать родителям, что ее бросили, Куин притворилась, что рассталась с Кейлом из-за ссоры, а когда ее о нем спрашивали, лишь безразлично пожимала плечами да бормотала что-то неопределенное. В конце концов расспросы прекратились, и для ее семьи этот эпизод канул в прошлое и стал историей. А Куин хотела, чтобы они думали именно так.

Конечно, невозможно было не узнать" что он сделал карьеру в своем любимом спорте. Куин вовсе перестала смотреть игры и читать спортивные разделы в газетах Она не хотела знать, где он играл, как жил, но, естественно, местные газеты следили за каждым его шагом, публиковали его фотографии.

Так Куин узнала о его браке с бывшей королевой красоты из какого-то южного штата несколько лет назад.

— Похоже, Кейл наконец устроился, — осторожно сказала ей по телефону мать. — В субботних газетах его фотография с невестой прямо на первой странице.

— Я рада за него, — равнодушно ответила Куин, затем поинтересовалась здоровьем одного из жеребцов Ская, заболевшего неделю назад, и повесила трубку. Раны она зализывала в одиночку — таков был ее характер Иногда ей попадалось на глаза интервью с ним по телевизору, и на мгновение время останавливалось — это был ее Кейл, но только на мгновение, пока она не приходила в себя и не переключала канал О да, если бы ее загнали в угол, она скрепя сердце признала бы, что гордится им, тем, что он смог преодолеть неблагоприятные обстоятельства в начале своей жизни и реализовать заложенные в нем от природы способности. С другой стороны, она никогда не смогла бы простить ему того, что он полностью овладел ее сердцем лишь для того, чтобы разбить его.

И все эти двенадцать прошедших лет она просыпалась в кровати в своей старой комнате и думала о нем. И как ни странно, даже спустя столько лет эти воспоминания были все еще достаточно сильны и причиняли боль.

"Наверно, он просто не знал, как сказать, что передумал насчет меня, подумала Куин, садясь на постели и протягивая руку за одеждой — Было бы замечательно, если бы я не услышала о нем ни слова за все выходные".

Она вздохнула, понимая, что это маловероятно Кейл Маккензи был единственной настоящей знаменитостью, вышедшей из Ларкспура, штат Монтана. Рано или поздно кто-нибудь, а скорее всего очень многие так или иначе упомянут его имя.

"Ничего, — сказала себе Куин, копаясь в чемодане в поисках джинсов, я справлюсь с этим. Я всегда справлялась".

И как бы в доказательство этому она стала насвистывать веселую рождественскую мелодию, направляясь вниз, чтобы принять утренний душ.

Глава 3

— ...А Сэнди Озборн уже в третий раз развелась, — сказала Кэтрин, наблюдая, как Куин раскатывает тесто для печенья на мраморном столике, установленном как раз с этой целью. — Думаю, бедняжка решила больше не выходить замуж, она вернулась к родным в город.

— Ах, Сэнди, — проговорила Куин, — она никогда толком не знала, чего хочет, правда?

— Похоже, она знала это только изредка, — ответила Кэтрин. — Так, Куин, раскатай-ка тот угол получше, чтобы тесто было одинаковой толщины.

Незаметно улыбнувшись, Куин сделала как ей сказали.

Желая добиться совершенства во всем, Кэтрин продолжала давать своим детям указания и следила, чтобы они делали так, как она хотела.

— Звездочки? — спросила Куин, взяв формочку для печенья, и мать рассеянно кивнула в ответ. Куин стала нарезать тесто формочкой, а Кэтрин брала маленькие звездочки и укладывала их на противень.

— Не могу дождаться, когда сюда приедет Сюзанна со своей милой малюткой Лили, — вздохнула Кэтрин и проворчала. — Подумать только, прошло столько лет, а у меня лишь одна внучка!

— Рано сокрушаешься, мама, — напомнила Куин, — никто из нас еще не имеет семьи.

— Не думай, что я не понимаю этого. — Кэтрин взяла ее за руку. Кошмар, шесть детей — и ни одного зятя или невестки.

— Санни была недолго замужем.

— Нет уж, об этом лучше не вспоминать! — потрясла головой Кэтрин. — Ну почему никто из вас до сих пор не нашел себе достойной пары, чтобы можно было влюбиться по уши? Тогда бы я отправилась на кладбище, уверенная, что хоть кто-то из моих детей будет жить счастливо.

— Мама, до кладбища еще далеко, а мы все будем жить счастливо. Наверняка.

— Что ж, надеюсь, так оно и будет, — сказала Кэтрин, отправляя в печку противень с белыми звездочками. — На Рождество дом должен быть полон детей.

— Дом будет полон детей, мама, ведь мы все приехали, — напомнила Куин. — А для тебя мы по-прежнему маленькие детки.

Кэтрин посмотрела вверх дверцы печки на своего среднего ребенка.

— Вы уже давно выросли из того милого, наивного возраста, когда верили в Санта-Клауса и не могли дождаться рождественского утра, чтобы увидеть, какие он принес вам подарки. Я скучаю по всему этому. Как давно меня не будили на рассвете маленькие ладошки! — Она повеселела и добавила:

— По крайней мере я могу побаловать Лили, но каждый год я смотрю на тебя, твоих братьев и сестер и думаю: неужели я вырастила кучу сварливых старых дев и холостяков?!

Куин засмеялась и поцеловала мать в щеку.

— Ты слишком много переживаешь, мама. Мы всего лишь не торопимся, чтобы сделать правильный выбор, и все. Так, сколько будет готовиться печенье? — Она взглянула в кулинарную книгу. — Двенадцать минут. Как раз успею сходить на чердак за рождественскими украшениями.

— Да-да, не стоит откладывать! Отец беспокоится, что снежная буря, которую обещали

завтра, может начаться раньше. Он собирается идти рубить елку после обеда.

— Си-Си расстроится, если мы пойдем без нее.

— Она расстроится еще больше, если мы вообще останемся без елки из-за того, что слишком долго ее ждали.

— И то верно.

Куин включила свет на чердаке и открыла дверь, впуская в дом порыв холодного влажного воздуха. Она поднялась по ступенькам и принялась отбирать те коробки, которые надо будет отнести вниз, чтобы украсить елку. Девушка подумала, что главной привилегией приехавших первыми на Рождество было то, что ты выбираешь, какими игрушками украшать елку.

Она копалась в коробках, откладывая свои любимые украшения. После нескольких проходов вверх-вниз по ступенькам в большой комнате собралась целая груда коробок. Куин открывала крышки и погружалась в воспоминания.

Из кухни раздался сигнал таймера — порция печенья была готова. Куин услышала, как открылась, а потом закрылась дверца печки, и почувствовала аромат ванили. Когда мама закончит сахарное печенье, она сделает овсяное с изюмом, затем апельсиновое, песочное. Любимое печенье каждого: от шоколадного — любимого печенья отца, до печенья из жженого сахара и масла, которое предпочитала Лили, младший член семьи. Скаю нравилось имбирное, Лизе — лимонное, Сюзанне — шоколадное, а Тревор и Си-Си, двойняшки и старшие в потомстве Холистеров, перекопают все печенье, пока не найдут свое любимое из черной патоки. Мама будет печь дни напролет до Рождества, и старый дом запахнет как кондитерский магазин.

— Эй, сестренка, — крикнул с порога Скайлер, — если хочешь поехать с нами за елкой, то начинай собираться!

— А нельзя подождать часок-другой, Скай? Мы с мамой собирались делать тесто для имбирных домиков.

— Мы с отцом думаем, что лучше отправиться до обеда. — Скайлер показал за окно и нахмурился. — Там в горах белым бело. Отец говорит, буря может начаться раньше и о рождественской елке надо позаботиться заранее.

— Тогда я, наверное, не поеду. Мама хочет сделать небольшую деревеньку из имбирных домиков, чтобы, когда придет Санни, Лили могла их украшать. Куин открыла одну коробку.

Посмотри, Скай. Все старые елочные игрушки.

— Ты хочешь сказать, те, что не разбились, когда наш кот запрыгнул на елку, — раздался голос брата из кухни, где он, по всей видимости, пытался стащить остывающее печенье. — У Лизы тогда появилась классная идея повязать коту на шею ленту и гулять с ним.

Куин вспомнила эпизод, когда рыжий котенок, вырвавшись из рук Лизы, ураганом пронесся через комнату, вскочил на спинку дивана, откуда ничего уже не стоило запрыгнуть на рождественскую елку, которая с грохотом рухнула на паркетный пол.

Тогда Лизе было шесть или семь лет, но она никак не могла забыть этого происшествия. Зная о том, как расстроилась Кэтрин из-за разбившихся хрупких стеклянных игрушек, принадлежавших ее матери, дети провели не один день, пытаясь своими руками сделать украшения взамен разбитых. Бумажные гирлянды и шарики, ромбики из фольги, человечки из цветной бумаги, звездочки из конфетных оберток — все было развешано на елке, чтобы удивить маму. Куин никогда не забудет выражения лица Кэтрин, когда они привели ее в

большую комнату и включили свет. Лиза испустила свою вину, и рождественская семейная традиция осталась неприкосновенной.

Из розовой коробки, которая лежала у нее на коленях, Куин достала сложенную гирлянду из белых бумажных сердечек и развернула ее — гирлянда распустилась, и Куин вспомнила тот год, когда ей было десять лет и тяжелая форма ветрянки приковала ее к постели. Тогда Кэтрин делала двойную работу: следила за тем, как украшается елка в большой комнате, и одновременно изо всех сил старалась хоть как-то развлечь Куин.

Чтобы девочка принимала участие в семейных заботах, Кэтрин принесла ей пачку бумаги и ножницы. Кэтрин аккуратно сложила бумагу, сделала несколько быстрых надразов, и бумага превратилась в гирлянду из сердечек. Куин провела весь канун Рождества, вырезая гирлянду за гирляндой, а Кэтрин терпеливо склеивала их и развешивала на елке. С течением лет то одна, то другая часть гирлянды рвалась или выкидывалась по ошибке, но здесь, на самом дне коробки, под розовой салфеткой, лежала последняя.

"Я, наверное, до сих пор могла бы их вырезать даже во сне, — подумала Куин, складывая гирлянду, — я сделала их так много в тот вечер". Эти гирлянды живо воскресили воспоминания того вечера, и на какое-то мгновение Куин показалось, что если она закроет глаза, то услышит нежный голос мамы, почувствует прикосновение ее прохладных пальцев и вкус апельсинового сока, который она ей принесла.

В кухне раздался сигнал таймера, и Куин выключила печь.

Пора было ставить очередную партию печенья, а то они не управятся в срок. Куин любила проводить утренние часы наедине с мамой. Так же, как она любила копаться в старых коробках, где были собраны осколки прошедших праздников — маленькие частички ее и ее семьи, которые заботливая память складывала в целое.

Разве не для этого она приезжала домой на Рождество?

Разве не для этих воспоминаний, не для этой любви?

— Куин. — Скай похлопал ее по плечу. — Тебя мама зовет.

— О, наверное, она уже готова делать имбирное печенье.

— Уверена, что не хочешь поехать с нами, Куин? — спросил отец.

— Конечно, папа, — улыбнулась она в ответ большому человеку, заполнившему собой дверной проем.

Он был по-прежнему высок и широкоплеч, хотя не такой высокий, как Скай, и не такой мускулистый, как Тревор. И Скай, и Тревор играли в футбол в школе, а потом в университете штата Монтана. Хотя отцу было далеко за шестьдесят, он еще не начал лысеть, у него были темно-каштановые волосы, такие же, как у его сыновей. Глаза по-прежнему лучились жизнью, смех по-прежнему гремел на весь дом, а выражение лица смягчалось, когда он смотрел на свою обожаемую Кэтрин.

Совсем недавно Хэп начал подумывать о том, что пора бы уйти на заслуженный отдых и передать заботу о ранчо своим сыновьям, чтобы проводить больше времени с женой. Они даже собирались в путешествие в феврале: сначала полететь во Флориду, а оттуда на корабле совершить круиз вдоль тихоокеанского побережья. Дети не только поддержали эту идею, но и в качестве рождественского сюрприза уже приняли участие в организации поездки. Как раз этим утром Тревор ездил в город, чтобы посмотреть, пришли ли на почту билеты.

Куин поставила коробку с елочными игрушками на пол, встала и только тут заметила корзину на столе, полную рождественских открыток.

— Никогда не могла понять, как у стольких людей находится время каждый год

отправлять рождественские открытки, — сказала она отцу.

— Для этого не находится время, — поправила ее из кухни мама, — для этого находят время. Кстати, мы получили несколько милых открыток в этом году.

Куин взяла пачку открыток и начала просматривать их, читая имена отправителей. В основном родственники и старые друзья семьи.

— Кто такая Вэлери? — спросила она, взяв в руку открытку, на которой был изображен волк на фоне заснеженного леса.

— Вэлери Маккензи, — усмехнулся Хэп. — Она была здесь на День благодарения и провела почти всю осень, приводя в порядок старый домик Джеда. Каждый день работала группа строителей. Привезла сюда всевозможное новое оборудование. Новый холодильник, немного новой мебели. Впервые за многие годы здесь появился кто-то из Маккензи. Наверное, ты слышала, она сейчас работает моделью в Нью-Йорке и добилась немалых успехов. Да, кивнул он, — она выросла и стала красивой девушкой, не правда ли, сынок?

Скай безразлично пожал плечами.

— О, конечно, могу поспорить, ты этого не заметил, рассмеялась Куин. Так же, как ты не замечал, Как прекрасно она смотрелась в купальнике, когда ей было шестнадцать, они с Лизой ходили купаться на Золотое озеро.

Куин увернулась от скомканной бумажки, которой запустил в нее Скай.

— Да, она милая девушка, и мы будем рады видеть ее здесь на праздники, — сказала им Кэтрин. — Они с Лизой собираются проводить время вместе. Они были лучшими подругами в течение долгого времени.

— Вал собирается провести Рождество в домике? — спросила Куин.

— Говорит, да Она сказала, что ей настолько хорошо дома, что она даже пожалела, что не приезжала сюда так долго, — сказал Хэп.

— Ей действительно здесь понравилось? — спросила Куин, с улыбкой глядя на Ская, который как раз собирался ей сказать, что Вал не единственная из Маккензи, которая проведет здесь праздники.

Куин, все еще улыбаясь опустила открытку Вэл в корзину.

"Нет уж, — подумал Скай, — лучше будет, если маленькая мисс Остроумие сама узнает об этом".

Правда, он надеялся, что в этот момент его не будет поблизости.

* * *

— Папа, хотим мультики — Эван Маккензи наклонился через плечо отца и произнес свое требование прямо ему в лицо.

— Да, — подтвердил Эрик, — нам скучно.

— Как вам может быть скучно? — Кейл взглянул на часы, стоящие на камине. Не было еще и десяти утра. Да, день обещал быть очень длинным.

— Мы хотим телевизор, — хором заныли близнецы.

— Ребята, последний раз объясняю здесь нет телевизора Вы находитесь в самом центре дикого штата Монтана Как настоящие первопроходцы Вот смотрите — Кейл встал и открыл шторы окна — Стойте здесь и смотрите внимательно, я могу поспорить, что скоро вы наверняка увидите лося или оленя.

— Мы уже видели лося вчера, — напомнил ему Эван.

— Я бы лучше посмотрел "Гринч", — проворчал Эрик.

— Или "Улицу Сезам". Я уже соскучился по Берту и Эрни. А ты — Эван залез на плечи брата, и они с шумом повалились.

— Да, а еще по Элму и Оскару, — Эрик уселся на груди у брата, — и Бивису.

— И Батхеду.

— Откуда вы знаете про Бивиса и Батхеда? — спросил Кейл оборачиваясь.

— Кати разрешала нам смотреть этот мультик, когда ты был там, короче, после того как ты поранил руку, — сказал Эван отцу.

— Ты говоришь о реабилитации — Кейл нахмурился и отметил про себя, что надо поговорить с миссис Мэйсон, работавшей у них няней, о том, что ее одиннадцатилетняя дочь смотрела по телевизору.

— Да. Точно, — подтвердил Эрик, пытаясь выбраться из своей рубашки и оторваться от брата, который вцепился в него мертвой хваткой.

Они почти перевалились через спинку дивана, который тетя Вэлери привезла сюда около месяца назад Эван бросился на своего брата, но тот ловко увернулся, и Эван со всего разгона влетел в письменный стол, уронив на пол настольную лампу.

Кейл оценил нанесенный ущерб и подумал, что близнецам потребуется не больше двадцати минут, чтобы уничтожить в доме уют, на создание которого у его сестры ушло больше месяца Придется долго оправдываться перед Вэл Конечно, она простит разбитую лампу, даже две разбитые лампы, думал он, прислушиваясь к звукам борьбы, доносившимся из спальни Но Вэл была так горда тем, что ей удалось превратить старую развалину в уютный домик, что она не простила бы ему больших разрушений.

— Звон разбитого стекла, донесшийся из маленькой столовой, возвестил о том, что к двум разбитым лампам присоединилась еще и ваза.

— Ребята, одевайтесь, пойдем прогуляемся. — Кейл поймал близнецов, когда они пытались прошмыгнуть мимо него в коридор, который вел в сторону двух маленьких спален.

— Мы уже гуляли вчера, — громко запротестовал Эван.

— А сегодня идем опять. — Кейл усадил сопротивляющихся близнецов на диван. — Надевайте ботинки, куртки и перчатки. И побыстрее.

— Мы не хотим гулять. Мы хотим смотреть мультики. — Эрик сложил руки на груди и изо всех сил попытался изобразить сердитый вид.

— Да. — Эван повторил позу и выражение лица брата — Я сказал, мы идем гулять. Собирайтесь! — Жестом, не допускающим возражений, Кейл указал на ботинки, стоявшие около задней двери.

Все еще ворча, близнецы неохотно повиновались.

— Может быть, мы увидим сегодня лысого орла, — сказал Кейл, чтобы подбодрить их.

— Я бы лучше увидел медведя, — проворчал Эрик.

— Ага, или волка, — поддержал его брат.

— Знаете, парни, — сказал им Кейл, открывая заднюю дверь, — на волка или медведя лучше смотреть из дома через окно.

— Мы не боимся, — храбро заявил Эрик.

— А зря — Они вышли на улицу, и Кейл закрыл дверь. — Эван, ты можешь понести бинокль, а ты, Эрик, помоги мне отряхнуть снег с троса.

— А зачем нужен этот трос? — спросил Эрик, следуя за отцом.

— Один конец привязывают к дому, а другой — к поленнице, чтобы в том случае, если начнется сильная буря, ты мог выйти, взять дров и не потеряться в снегу.

— Как здесь можно потеряться? Дом же вот он, рядом.

— Иногда валит такой густой снег и ветер дует так сильно, что не видно даже собственных рук, и поэтому надо держаться за трос, который приведет тебя обратно к дому. Тихо, ребята, давайте подберемся поближе и посмотрим, что за птица там, на сосне...

Поглядев друг на друга и закатив глаза в немой муке, близнецы неохотно потащились через сугроб за своим отцом.

— Ничего, если я немного прокачусь? — Куин обмотала вокруг шеи шарф и достала из кармана парки толстые меховые перчатки. — Я не была в домике Элизабет целую вечность — Конечно, иди, — отпустила ее Кэтрин, — только не застрянь там У нас в этом году еще не было больших снегопадов, и прогнозы говорят, что до завтрашнего дня бури не будет, но кто его знает.

— У меня полноприводная машина. Я не застряну. — Куин стянула печенье с блюда. — А если снег будет глубоким, я просто развернусь и поеду назад.

— Да ты наверняка не захочешь оставаться там долго. В домике нет отопления, и он уже много месяцев не открывался.

Скорее всего тебе придется расчищать дорогу к двери — Точно. Возьму-ка я лопату.

— Да, и возьми это на всякий случай, вдруг замерзнешь. Мать протянула ей термос с горячим кофе и большой веночек.

— Спасибо, мама Я, наверное, возьму еще чего-нибудь из еды на случай, если проголодаюсь. — Куин завернула в салфетку немного печенья, бросила яблоко в сумку, которая и так уже была полной: чистые тряпки, свечи, ее сотовый телефон, садовые ножницы, — и направилась к выходу. — Я не задержусь. Просто хочу, чтобы в этом году у Элизабет был веночек.

Холодный горный ветер бушевал за домом, и Куин направилась по плотному снегу к оставленной около сарая машине Она открыла дверцу, бросила сумку на переднее сиденье, а веночек — на заднее. Затем вернулась в дом, взяла в кладовой щетку, а на заднем крыльце — большую снеговую лопату, бросила все это на пол у заднего сиденья и села за руль. Куин завела машину, с минуту дала ей прогреться, затем развернулась и направилась в сторону дороги. Она ехала осторожно, проверяя глубину снега. И когда наконец почувствовала себя достаточно уверенно, поехала в горы, где стоял старый каменный домик, построенный более века назад ее прапрадедом, и куда каждый год Куин или кто-то из ее братьев или сестер приезжали для того, чтобы повесить на дверь веночек и отметить не только день бабушкиного рождения, но и день, когда она вышла замуж.

Они все называли его домиком Элизабет. Хотя по правде этот домик принадлежал как Элизабет, так и Стивену Данхэму. И вдвоем они принесли сюда не один камень от подножия горы — оттуда, где разбивались о скалы горные потоки, — для того, чтобы построить это нехитрое однокомнатное строение, где они и начали свою совместную жизнь. По мере того как Стивен преуспевал в охоте, домик расширяли, чтобы вместить разрастающуюся семью. Годами позже, когда в Филадельфии умер отец Стивена, он с большой неохотой принял решение вернуться туда, чтобы продолжить семейный бизнес — кораблестроение Элизабет знала, что аристократическая семья ее мужа вряд ли примет с распростертыми объятиями ее, чистокровную индианку. Но она поклялась сделать все для Стивена и своих детей и последовала за ним через всю страну на поезде. Дети были одеты в новую городскую одежду, мальчики с трудом ворочали шеями в тесных воротничках, а девочки были смущены огромным количеством непривычных для них предметов одежды. Данхэмы терпели присутствие Элизабет, пока Стивен был жив, но когда он трагически погиб в дорожном происшествии на Брод-стрит, Элизабет собрала свои вещи и оставила детей с бабушкой, чтобы те получили хорошее образование, как того желал их отец. Взяв с собой небольшой

запас золотых монет, которые Стивен специально откладывал для нее, чтобы ей не пришлось просить денег у его родителей, Элизабет вернулась одна в те горы, которые так любила, в тот домик, где они были так счастливы со своими детьми и где она потом умерла, дожив до девяноста двух лет.

В траве за домиком, на том месте, где Элизабет нашла свой последний приют, возвышался камень, а рядом с ним — камень поменьше на могиле ее дочери Мэри, умершей от свинки. В семье ходило немало историй о Селене, старшей дочери Элизабет, которая до конца жизни боролась за то, чтобы перезахоронить тело Стивена в горах рядом с могилой его любимой супруги. Но все ее усилия были сведены на нет ее братом Робертом. Роберт возглавил компанию "Филадельфия Данхэм" и не разрешил перевоз праха отца с кладбища в городе, который Стивен толком не знал и никогда не любил так, как любил дикую природу штата Монтана. Сердце Элизабет разрывалось на части при виде того, как разделялись на два лагеря ее дети: сын Эвери встал на сторону Селены, а Сара и Джон — на сторону Роберта. И сегодня потомки принадлежавших к разным лагерям братьев и сестер не встречались и не общались между собой.

Говорили, что Элизабет никогда больше не покидала горы, а ждала возвращения Стивена. Кое-кто из потомков Элизабет утверждал, что видел старуху. Обычно это случалось в момент какой-либо опасности. Говорили, что Элизабет много раз видела ее дочь Селена, а также мать Куин — Кэтрин и ее сестра Шарлотта. В поколении Куин и Лиза, и Си-Си утверждали, что старуха явилась им, когда они купались, а на пути домой их подстерегал горный лев Сюзанна клялась, что видела ее, когда однажды в лесу медведица решила, что Санни собирает чернику слишком близко к берлоге, где в это время спал ее малыш. Казалось, что Элизабет всякий раз появлялась специально для того, чтобы отвести беду от своих потомков. Только Куин ни разу не видела старуху, которая всегда описывалась одинаково: длинные, ниже пояса, подернутые сединой темные волосы, заплетенные в перекинутую через плечо косу, теплый зеленый плед, укрывающий ее от холодного горного ветра.

Куин продвигалась дальше в горы. То тут, то там падали одинокие снежинки. Слева, за деревьями, поднимался в небо дымок. Куин на мгновение притормозила, но потом вспомнила, что в лесу за соснами, в стороне от дороги, находился домик Маккензи. Вэл, наверное, уже приехала, подумала она и продолжила свой путь.

— Я люблю эти места, — громко объявила Куин, нарушая тишину в своей машине. — Я люблю эту дорогу, вьющуюся по лесу Я люблю эти покрытые снегом деревья, когда они замирают как скульптуры, белые и неподвижные Я люблю этот воздух, напоенный запахом сосны.

Она сбавила скорость и остановилась возле старого одноэтажного строения, той единственной части домика, которая уцелела после пожара, случившегося двадцать лет назад — А больше всего. — объявила она, выпрыгивая из машины, — я люблю это место.

Несмотря на то что здесь она провела самые мучительные часы в своей жизни, пересчитывая камни ведущей к двери дорожки в ожидании человека, который так и не пришел, любовь Куин к этому домику не уменьшилась.

Лопатой она очистила от снега узкую тропинку, ведущую к тяжелой деревянной двери одноэтажного строения, пережившего свою сотую зиму. Сквозь плотные перчатки она нащупала гвоздь, на который собиралась повесить венок. Затем вернулась в машину, бросила на заднее сиденье лопату и взяла венок и щетку. Перекинув через плечо сумку, она вновь

подошла к домику и повесила над дверью зеленый венок. Уже замерзшими, несмотря на перчатки, пальцами Куин достала из сумки связку ключей, которую взяла в шкафу на ранчо. Она нашла ключ, отмеченный буквой "Э", и вставила его в замочную скважину старого массивного замка.

Можно подумать, этот нехитрый замок остановил бы желающего войти, подумала Куин, открывая тяжелую дверь и захлопывая ее за собой. Бросив на пол тяжелую сумку, она наклонилась и достала из нее свечи и спички, которые захватила, чтобы в доме было не так темно — маленькие окошки не давали много света. Одну за другой она зажгла свечи и расставила их по углам, чтобы в тусклой комнате стало повеселее.

— С днем рождения, бабушка.

Вновь покопавшись в сумке, Куин достала ножницы, накинула капюшон и вышла на улицу, чтобы привести в порядок куст падуба, росший по одну сторону домика.

Воздух был морозным и обжигал лицо, но Куин с благодарностью вдыхала его, вспоминая о Всех тех бесчисленных зимах, которые Элизабет провела здесь в одиночестве. И теперь Куин казалось, что она начала понимать, почему Элизабет принесла в эти места свое разбитое сердце, в места, где вокруг не было никого, кроме ветра. Ведь Куин и сама искала тишины этих гор и пришла сюда, чтобы унять свою боль.

Девушка собрала обрезанные ветки и бросила их посреди комнаты в домике, затем достала из сумки тряпку и принялась вытирать пыль с мебели и подоконников, распевая рождественские песенки. Еще в детстве девочки Холистер по очереди несколько раз в год убирались в домике Элизабет. И хотя все они теперь были уже взрослыми женщинами, традиция сохранилась. Это не занимало много времени, ведь домик был такой маленький. Куин смахнула с подоконника несколько мертвых пчел, смела с камина пыль и положила на него ветки падуба.

Возможно, когда-то и Элизабет делала то же самое. Затем она убрала с углов паутину, подмела пол, выгребла из давно не действующего камина старые листья, и в целом работа была закончена.

— А теперь можно приходить в гости., - объявила Куин.

Она открыла термос и налила себе чашку кофе. Очень хотелось съесть печенье, но руки были грязными, и она решила подождать, пока вернется на ранчо. — Ты здесь, Элизабет? — тихо спросила она.

Домик не отапливался, и белые облачка пара вместе с дыханием поднимались к потолку. Куин сидела на скамейке у окна, пила кофе и чувствовала, как воспоминания о прошлом — семейные и личные — переполняют ее. У этой самой двери она стояла и высматривала черный побитый пикап Кейла, на этой самой скамейке она рыдала, и сердце ее разрывалось от горькой правды.

И сколько бы она потом ни заходила в эту комнату, она чувствовала отголоски своей боли, как будто стены впитали ее горе так же, как когда-то впитали горе Элизабет.

— Думаю, не одна я проливали здесь слезы, — громко сказала Куин, как бы приглашая бабушку разделить с ней ее горькие воспоминания.

Она допила горячий кофе и закрыла термос. Укутавшись в куртку, чтобы спрятаться от холодного ветра, который, казалось, проникал сквозь стены, Куин собрала вещи и задула свечи, — До свидания, бабушка, и счастливого тебе Рождества.

Я вернусь весной. Надеюсь, день рождения будет счастливым и, где бы ты сейчас ни была, дедушка Стивен отпразднует этот день вместе с тобой.

Куин открыла дверь, сделала шаг на улицу, и порыв холодного белого ветра чуть было не сбил ее с ног. Пока она убиралась в домике, разыгралась такая свирепая буря, какой она не видела уже много лет. Куин наклонила голову навстречу яростному ветру и пошла вперед по тропинке. Хорошо, что она расчистила узкую дорожку — иначе ей бы не найти своей машины, таким непроглядным был буран.

"Как я могла поступить так опрометчиво! — проклинала она себя. — Как глупо застрять в дороге в такое время!"

Куин забралась в машину, уселась на сиденье, пытаясь сообразить, что делать дальше. Может быть, если подождать пару минут, буря утихнет так же быстро, как и началась. Куин смотрела сквозь лобовое стекло долгих пятнадцать минут, но буря, казалось, только усиливалась. Поежившись от проникшего в салон прохладного воздуха, она подумала, что немного тепла не помешает, и завела двигатель. Нужно было несколько минут на то, чтобы машина прогрелась, и девушка решила пока позвонить домой и сообщить семье, где она находится. Холодными пальцами Куин набрала номер на сотовом телефоне.

— Тревор? Привет, — сказала она, пытаясь придать своему голосу как можно больше безопасности.

— Куин? Ты где? Тебя очень плохо слышно!

— Сижу в машине перед домиком Элизабет. Снежная буря обрушилась так быстро. Я даже не заметила как — Серьезно? Там буря? Здесь, в долине, пока еще нет, — сообщил он. — У тебя все в порядке?

— Сейчас да, Я решила подождать, пока все успокоится, перед тем как направиться домой. У вас там хотя бы снег идет?

— Ни снежинки. Думаю, скоро доберется и сюда. А это значит, мне пора выезжать, чтобы добраться до аэропорта и встретить Санни, Лили и всех, кто сегодня прилетает. — На мгновение он задумался. — У тебя точно все в порядке, Куин?

— Ну, — поколебалась она, — буря здесь очень сильная.

— А по десятибалльной шкале? — как обычно, спросил Тревор.

— Тринадцать, — хмуро ответила Куин.

— Все так плохо, да? Может, Скай заберет тебя оттуда на грузовике?

— Нет. Какой смысл нам обоим застревать здесь? Слушай, скажи маме и папе, что я буду позванивать. У меня остался бензин — на обогрев хватит, и есть немного кофе, так что я не замерзну.

По крайней мере пока. Она прикусила губу. А что делать, когда закончится бензин и не останется кофе?

— Что ж, когда хоть чуть-чуть прояснится, двигайся потихоньку домой. Просто следи за тем, чтобы с обеих сторон были сосны, и постарайся добраться до висящей скалы. Оттуда рукой подать до старого домика Маккензи. Вэл его отремонтировала...

— Да, я слышала, — улыбнулась Куин, вспомнив, как отреагировал Скай вчера вечером на одно лишь упоминание имени Вэлери.

— Так вот, если доберешься до домика, то все будет в порядке. Разведешь огонь и переждешь бурю.

— Думаю, Вэл уже там. Я видела дым из трубы, когда проезжала мимо. Надеюсь, у нее достаточно дров, чтобы переждать бурю.

— Дров много. — Даже по телефону она почувствовала, как усмехается Тревор. — Похоже, последние шесть месяцев Скай занимался только тем, что рубил дрова и

складировал их у домика Вэлери.

— Понятно. Тогда, значит, там должно быть тепло и уютно, и я смогу переждать бурю вместе с Вэлери.

"При условии, что я туда доберусь", — добавила про себя Куин.

— Позвони, как только доберешься до дома Маккензи, чтобы мы не беспокоились. — В голосе Тревора была тревога, — Хорошо. Скажи маме, чтобы не волновалась, — успокоила она его. — Все будет хорошо.

Прошло почти двадцать минут, когда стало немного проясняться. Куин осторожно приоткрыла дверцу и тут же захлопнула ее перед яростным порывом ветра. Прошло еще пятнадцать минут, и она повторила свою попытку. На этот раз ветер был потише, и Куин достала из-под сиденья скребок, чтобы очистить стекла.

За столь недолгое время машина успела покрыться плотным слоем снега, и очистка стекол заняла несколько минут. Поставив на полную мощность обогреватель стекол, она включила передачу и направила машину к слабому просвету между склонившимися соснами, по которым с трудом угадывались края дороги. Аккуратно, дюйм за дюймом, она двигалась сквозь плотную, как взбитые сливки, стену снега, вглядываясь в мглу, с трудом отличая свет от тени, медленно, но ровно направляя машину вниз по склону. Прошла целая вечность, пока наконец вдалеке не показался силуэт висящей скалы. Если продержаться еще немного, она сможет добраться до домика Маккензи.

Машина продолжала потихоньку спускаться до тех пор, пока скала не оказалась так близко, что до нее можно было почти дотянуться рукой. Куин проехала вплотную мимо скалы и нажала на тормоз. Машина медленно остановилась, девушка опустила стекло и выглянула наружу: мир в одно мгновение стал абсолютно белым. Домик мог быть футах в двадцати, но в буряне она могла проскочить мимо него. Куин грустно вздохнула и заглушила двигатель. Бензина осталось немного, и его следует поберечь. Она начала поднимать стекло, как вдруг слева ей почудилось какое-то движение.

Куин напряглась, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь белую мглу. Может быть, ей показалось... Но вот опять прямо перед машиной, чуть-чуть левее...

Она высунулась наполовину из окна, уверенная, что у нее начались галлюцинации. Да кто в здравом уме рискнет выйти в такую погоду?

Прямо на ветру стояла высокая стройная женщина и, казалось, смотрела прямо на машину. Куин не могла разглядеть ее лица, но она видела темные, заплетенные в косу волосы, спускающиеся до пояса. Фигура была укутана в зеленый плед, один его конец был накинут ей на голову. И Куин поняла, кто эта женщина и зачем она здесь.

Элизабет. И она здесь, чтобы провести ее сквозь буран.

Без малейшего колебания девушка заглушила двигатель, надела капюшон, схватила сумку и шагнула в бурю. Она не могла разглядеть ничего, кроме женщины, которая, казалось, терпеливо ждала, пока Куин ее догонит. Но с каждым шагом Куин все больше отставала от Элизабет. Яростный ветер жалил ее лицо ледяными иглами. Куин старалась держаться, но вскоре полностью выбилась из сил и потеряла ориентацию.

Она подвергала свою жизнь смертельной опасности, оставаясь посреди мира белой мглы, мглы такой плотной, что невозможно было разглядеть ничего дальше кончика носа, который, кстати, был уже на грани отморожения. И вдруг Элизабет исчезла.

Ошеломленная тем, что осталась совершенно одна, Куин лихорадочно искала глазами силуэт, за которым так безоговорочно следовала. Но вокруг не было ни тени, и лишь

бесконечный белый пейзаж окружал ее. Та, что вела ее сквозь буран, исчезла без следа.

— Элизабет! — закричала Куин, но даже эхо не ответило на ее крик.

Никогда в жизни она не чувствовала такого страха. В отчаянии девушка оглядывалась вокруг, все еще надеясь увидеть силуэт женщины, укрытой пледом.

Господи, да что же могло заставить ее выйти из машины в непроглядный буран вдогонку за... за кем? За призраком? Да какой здравомыслящий человек покинул бы свое, пусть даже самое ненадежное, убежище и рискнул бы выйти за порог, где не было ничего реального, лишь ветер да снег?

Куин оглянулась, чтобы посмотреть на машину, хотя и знала, что ничего не увидит. Она не могла даже определить, в какой стороне искать ее, тем более что сейчас в буре белая машина была совершенно невидима.

Девушка поняла, что у нее было только два варианта: оставаться на месте и замерзнуть до смерти или идти вперед и искать дом. Проклиная себя за свою глупость и чрезмерную доверчивость — надо же, поверила в то, что в конце концов было лишь семейной легендой! — она, шагнула вперед и споткнулась о деревянные ступеньки домика Джеда Маккензи.

— Спасибо, бабушка! — чуть не рассмеялась Куин.

Еле передвигая ноги от усталости, она поднялась по ступенькам, взошла на крыльцо и тихонько постучала в дверь, затем заглянула в окно. Похоже, внутри никого не было. Повернув ручку, Куин нажала на дверь, и неожиданно та тихо распахнулась.

— Эй? — крикнула она в открывшуюся перед ней темную комнату. — Вэл?

Никто не ответил, и, закрыв за собой дверь, Куин шагнула внутрь. Вдоль одной стены тянулся длинный камин, и машинально она направилась туда. Тлеющие в камине угли говорили о том, что кто-то здесь недавно был и разжигал огонь.

"Вэл, наверное, уехала в город, ничего не зная о предстоящем буране, подумала Куин. — Думаю, она не будет против, если я здесь переночую".

Продрогшая до костей, Куин положила в камин несколько поленьев, раздула угли. Легкое тепло, шедшее от огня, вдохнуло в нее жизнь. Руки начали отогреваться, Куин сняла перчатки и поднесла руки к огню. Как приятно, когда тепло! А ей казалось, что она уже никогда не отогреется.

Сидя на низкой скамейке, девушка сняла ботинки и сырые носки. Затем стянула куртку и повесила ее на крючок с обратной стороны входной двери. Положив в огонь еще пару поленьев, Куин завернулась в два теплых пледа, лежавших на разных концах дивана. Прорвавшись сквозь ветер и снежную бурю, она была измождена, как только что вышедший из боя солдат.

Дрожа от не желающего уступать холода, девушка уткнулась в подушки и закрыла глаза. Как будто сказочный персонаж, она прошла сквозь лес и вышла к маленькому тихому домику. Последняя промелькнувшая в ее сознании мысль была о том, что надо бы найти что-нибудь попить, что-нибудь не слишком горячее и не слишком холодное. Она найдет, как только немного поспит и хорошенько согреется.

Глубокий сон Куин был прерван непонятным шевелением у нее в ногах. Она сделала попытку отпихнуть что-то от себя, затем перевернуться, но почему-то не смогла. Туманное сознание заставляло ее бороться с чем-то непонятным, удерживающим ее. Куин охватила паника: сквозь плотную пелену сна она слышала голоса — приглушенный, зловещий шепот в полутемной комнате. Она заставила себя открыть глаза и увидела две маленькие фигуры, двух демонов-карликов, с довольным видом сложивших руки на груди. Она хотела встать, но не смогла.

Нет, она наверняка спала.

Куин попыталась заговорить, но что-то толстое и мягкое заполнило ее рот. Она замычала, чувствуя инородный предмет у себя во рту, и начала давиться. Два демонических существа в изумлении отпрыгнули от нее.

— Чем это вы там занимаетесь? — раздался, откуда-то мужской голос.

Высокая фигура вынырнула из темноты и склонилась над диваном, чтобы взглянуть на нее.

— Смотри, кого мы поймали! — с явной гордостью ответил один из демонов-карликов.

У Кейла перехватило дыхание, и долгую минуту он думал, что все это ему снится. Сердце забилось в груди, и он наклонился, не веря своим глазам. Даже в тусклом свете он узнал ее.

Чудо из чудес. Она. Здесь. В его домике.

Куин.

Опоздав на двенадцать с половиной лет.

— Ух ты! — сказал он с беспечностью, за которой пытался скрыть охватившее его волнение. — Посмотрите-ка, кто к нам заглянул.

Куин смотрела на него, ее каштановые волосы легким туманом лежали вокруг ее головы.

Да. Это действительно были ее глаза. Большие, зеленые, мечущие молнии, когда она злилась. Прямо как сейчас.

— Мм-фф... — Казалось, она говорила прямо с ним.

Сквозь зубы.

Кейл нахмурился и наклонился, всматриваясь. Что-то белое торчало у нее изо рта.

— Что это? — Он потянул за белый предмет, пока не вытащил его полностью. В его руке оказался маленький белый носок. С выработанным долгой практикой терпением и привычной интонацией спросил:

— Чье это?

Эрик показал на Эвана. Эван показал на Эрика.

— Его, — сказали, они хором.

— Как это оказалось у нее во рту? — спросил Кейл строго.

— Это он, сделал, — ответили оба.

— Что ж, могло быть и хуже. — Кейл поднял носок и осмотрел его. — Во всяком случае, он чистый.

— Мне стало гораздо легче, — сухо сказала Куин. — Надеюсь, их не пятеро?

Она устало посмотрела на мальчиков. Они, наверное, тоже часть этого нелепого сна.

Естественно, это был сон, разве нет?

Иначе и быть не может...

— Что? — переспросил Кейл. Его голос звучал ясно. Да и вам он казался реальным...

— Здесь разве не: пятеро дьяволят? — повторила она свой вопрос.

Неожиданно Кейл рассмеялся.

Великие боги! Это не сон. Это он. Она и через сто лет узнала бы этот смех.

Оскорбленная, Куин попыталась придать себе достойный вид. Насколько это было возможно в такой ситуации, когда человек, бросивший ее двенадцать лет назад, только что извлек у нее изо рта маленький носок. Она слегка кашлянула и подняла подбородок.

— Ну что ж, если ты соблаговолишь меня развязать и дать мне стакан воды, чтобы прополоскать рот после носка, я думаю, что смогу направиться на ранчо. — Куин старалась выглядеть беспечной, подыскивая нужную интонацию, пытаясь не обращать внимания на то, как бьется в груди сердце, готовое вот-вот вырваться наружу.

Откинув плед и обнаружив, что ее запястья и лодыжки крепко связаны веревками, Кейл: нахмурился; и повернулся к сыновьям:

— Кто-нибудь мне объяснит, что все это значит? И объяснение, ребятки, должно получиться хорошим. Оно должно получиться очень хорошим.

Эрик мрачно ткнул пальцем в Куин и сказал:

— Она залезла в наш дом.

— Она залезла без спросу, — подтвердил Эван.

— Ребята, так гостей не встречают.

— Она не гость. Она девчонка.

— Ага, — кивнул Эрик. — Чужая девчонка.

— Видите ли, так случилось, что эта девчонка — моя старая знакомая. Так что никакая она не чужая. — Кейл развязывал веревки, и его пальцы дрожали от неожиданной близости женщины, так часто являвшейся ему в снах, женщины, каждую черточку лица и Каждый изгиб тела которой он знал наизусть.

Кейл прокашлялся и помог ей поднятие"; как будто не было ничего естественнее, чем увидеть женщину своей мечты связанной и с кляпом во рту на диване в уединенном домике в Монтане посреди бушующего урагана.

— Ребята, вы явно не знаете, кто эта женщина, — сказал Кейл, с трудом отводя от нее взгляд. От этих зеленых глаз, в которых по-прежнему мерцало золото.

Они покачали головами и хором спросили:

— А кто она?

— Это дочь Хэпа Холистера, — торжественно объявил он.

— Хэпа Холистера! — задохнулся один.

— Величайшего в мире тренера молодежной лиги! кликнул другой.

— Его самого.

Куин посмотрела на двух маленьких человечков, восхищенно и с открытыми ртами глядевших на нее. Интересно, что Кейл им наговорил про ее отца?

— Мои сыновья, — повернулся к ней Кейл. — Эрик и Эван. Ребята, поздоровайтесь с Куин Холистер. А затем извинитесь.

— Здравствуйте. Извините. — Эрик посмотрел на ноги, некоторых были натянуты темные носки.

— Не очень-то искренне звучит. — Глаза Кейла сузились.

— Правда, простите. Мы думали, вы грабитель.

— Ну, я могу вас понять. Чужой человек спит на диване.

Но неужели вы не слышали, как я вошла? Я звала...

— Мы дремали, — сказал через плечо Кейл, исчезая за дверью. — Мы очень долго гуляли сегодня утром, промерзли до костей и просто вырубались.

— Ты гулял с детьми в такую погоду? — изумилась она. — Боже, какой садизм!

— Это было до того, как начался буран. Ты когда-нибудь жила в уединенном домике без телевизора с двумя четырехгодовалыми детьми, привыкшими иметь дело с электронными сиделками? — Он вернулся и протянул ей стакан воды.

— Наверное, все же нет. — Куин взяла стакан и жадно припала к нему, надеясь, что вода смоев прилипшие к небу ворсинки.

— Гулять по снегу — это единственный способ утомить моих детей так, чтобы у них не осталось энергии ни на что другое. Ну, скажем, чтобы они не перевернули вверх дном все в доме. — Он улыбнулся, и сердце сжалось в груди Куин.

У него до сих пор была убийственная улыбка. Этого невозможно было не заметить.

— Но что, — спросил он, — ты делаешь здесь посреди бурана?

— Я ездила в домик Элизабет, чтобы повесить там венок.

Каждый год одна из нас...

— Я помню, — мягко сказал Кейл, вспоминая то время, когда помогал ей в этом. Неужели она могла это забыть?

Не обращая внимания на упоминание о том Рождестве, когда они еще не были чужими людьми, Куин продолжила:

— Я была внутри и не заметила, как началась буря. Пришлось застрять в горах. Брат сказал мне, что Вэл приезжает на Рождество, и я подумала, что она здесь. Дверь была открыта, я вошла, разожгла камин и укрылась одеялами. Я так замерзла.

— Тебе повезло, что ты добралась. Но как ты решилась выйти из машины в такую погоду? Как ты вообще увидела сквозь снег домик? Ведь он в стороне от дороги!

Кейл немного приподнял брови, правую чуть выше левой.

Такой знакомый жест.

— Моя машина прямо здесь, в конце дорожки. Недалеко отсюда. И я хорошо ориентируюсь в пространстве. — Она приподняла подбородок. Нет смысла говорить ему об Элизабет...

Он поймал ее взгляд, и Куин отвернулась, еще не готовая смотреть ему в глаза. Он разбил ее сердце. Он сломал ее жизнь. Самое меньшее, чего он заслуживал, это холодное безразличие.

Но сейчас Куин чувствовала лишь смущение и свое нежелание находиться с ним в одном доме.

Она хотела сбежать отсюда, скрыться от этих карих глаз, менявшихся на свету и казавшихся сейчас золотистыми.

;

"Не готова, — сказала она себе. — Я не готова к этому".

Куин отвела взгляд от его лица. Черт возьми, мог бы по крайней мере полысеть и растолстеть! Она заставила себя найти глазами свои ботинки. Вот они. У двери. Там, где она их оставила.

— Мне пора.

Кейл подошел к окну и отодвинул тяжелую, в бело-зеленую клетку, занавеску.

— Куин, в такую погоду ты не пройдешь и десяти футов.

— Мне пора ехать домой. — Она чувствовала себя неловко.

— Боюсь, пока это невозможно.

Куин подошла к входной двери, приоткрыла ее и уставилась на абсолютно белый мир вокруг. Кейл прав. Стоит ей сойти с крыльца, как она потеряет ориентацию. Она всмотрелась в плотную белизну в поисках тени. Может быть, Элизабет вернется и выведет ее отсюда? Но вокруг не было и намека на темную фигуру, которая бы ожидала ее, чтобы показать дорогу к машине. Со вздохом она вернулась в комнату, забыв все слова, которые только что собиралась произнести.

Кейл разводил затухающий огонь, чтобы тепло шло в комнату. Темно-синий свитер натягивался на его широкой спине всякий раз, когда он наклонялся за поленом и аккуратно укладывал его в камин. Даже когда он был подростком, у него были сильные руки, развитые благодаря занятиям бейсболом.

А какие они сейчас, промелькнула у нее мысль, после двенадцати сезонов в высшей лиге? Он прекрасно выглядел. Интересно, где его жена? Наверняка все еще спит в одной из комнат в конце коридора.

Без предупреждения он повернулся к ней и улыбнулся, полностью обезоружив ее той самой теплой улыбкой, ради которой она когда-то была готова на все. Куин невольно отпрянула, как бы желая держаться от него по возможности подальше.

Сколько раз на протяжении долгих лет она мечтала о том, как снова увидит его, представляла себе эту встречу и все, что она ему скажет. И хотя ей хотелось схватить его за горло и потребовать объяснений, она знала, что не сделает этого. Она не доставит ему удовольствия почувствовать, как глубоко он ранил ее, как долго боль не покидает ее сердце. О нет! Она будет умной. Опытной. Искушенной.

Но сейчас, так неожиданно столкнувшись с ним лицом к лицу, Куин не могла вспомнить ни слова из того монолога, что был так тщательно продуман и не один раз произнесен в тишине.

В глубине домика раздался грохот, Куин вздрогнула.

— Прощу прощения, — мрачно сказал Кейл и пошел по коридору.

Он вернулся через минуту с малышами под мышками, усадил их на разные концы дивана и строго сказал:

— И будете сидеть здесь, пока я не разрешу вам встать.

Двое веснушчатых мальчишек незаметно состроили отцу рожицы.

— Итак, — Кейл повернулся к Куин и сложил на груди руки, — могу поспорить, ты бы не отказалась попить чего-нибудь теплого. Принести тебе чай? Кофе? Какао?

— Чашку чая, если можно. У меня все еще немного сухо во рту, — сказала Куин, напряженно ожидая, когда появится мать детей. Она не могла не проснуться от шума, который учинили ее дети. Куин косилась на дверь, ожидая появления жены Кейла. Как она выглядела? Куин не терпелось ее увидеть, и было больно от мысли, что она познакомится с женщиной, занявшей в жизни Кейла ее место.

Он прошел позади нее в маленькую кухню. Она услышала, как открылся, а затем закрылся шкаф для посуды.

— Обычный или на травах? — спросил он, — А на каких?

— Сейчас посмотрим. — Кейл стоял в дверях с несколькими банками в руках. — У Вал

есть мятный, липовый и еще какой-то под названием "Роастарома".

Вдруг он как-то неуклюже уронил все три банки на пол.

Куин наклонилась вместе с ним, чтобы поднять их.

Стараясь не обращать внимания на то, что она была так близко, что он мог чувствовать ее нежный, интригующий запах — кажется, сирень, — он собрал банки, которые его сестра купила в ноябре в универсальном магазине Хиллера, положил их на стол и отошел подальше от Куин.

— Пожалуй, мятный. Спасибо. — Она хотела быть непосредственной, и, похоже, ей это удавалось.

Он наполнил водой голубой фарфоровый чайник и поставил его на плиту.

— Не пойму, почему Вэл не заменила эту старую плиту, — проворчал он.

— Может быть, для того, чтобы вы не остались голодными, если отключится электричество.

— С ней одна морока. — Он протянул руку к ведру за дверью и достал несколько поленьев. Затем открыл дверцу печки и уложил их туда. Поленья в точности подходили по размеру.

"Потому что заготовлены моим братом", — догадалась Куин.

— А когда ужин? — спросил Эрик, высунувшись из-за дверного косяка.

— Я сказал не вставать, пока я не разрешу.

— Мы хотим есть. — За Эриком появился Эван.

— Хорошо. Сейчас приготовлю.

— А что? — подозрительно посмотрели на него братья.

— Спагетти.

— Ты делал спагетти вчера. Они были твердыми.

— Мы хотим пиццу.

— Простите, ребятки. Здесь пиццы нет. Но сегодня попробую приготовить спагетти получше. Обещаю. А теперь назад на диван. Вы все еще наказаны за то, что привязали Куин и засунули ей в рот носок.

Обиженные и ворчащие что-то себе под нос, мальчики мрачно зашаркали назад в комнату.

— Нам скучно.

— Мы хотим телевизор.

Кейл поморщился и пожал плечами.

— Иногда их трудно развлечь. Они привыкли к видеоиграм и мультфильмам.

— Наверняка твоя жена хорошо знает как: их, занять, — сказала Куин, прислонившись к косяку.

— О да, она хорошо знает, — мрачно рассмеялся Кейл. — И благодаря этому успешно держится в стороне от семенных проблем.

Куин посмотрела на него непонимающе.

— Жена бросила меня. Мы развелись, — сказал он ей просто, и в его голосе было не больше эмоций, чем когда он объявлял сыновьям меню на ужин.

— Ясно, — сказала Куин, не понимая, как кто-то мог бросить такого человека, как Кейл.

Из комнаты раздался грохот.

"Хотя, — отметила про себя Куин, — на этот счет могут быть и другие соображения".

Чайник начал кипеть, издавая пронзительный свист. Кейл направился было в комнату, чтобы оценить ущерб, нанесенный его отпрысками, но замешкался, не зная, чем заняться в первую очередь.

— Ты пока готовь чай, а я посмотрю, что там, происходит, — сказала Куин, радуясь возможности сбежать из тесной кухни. Присутствие Кейла было невыносимо для нее.

Слишком многое пришлось ей пережить из-за него, и, несмотря на долгие годы, ее раны еще не зажили.

Услышав, что кто-то идет, мальчики быстро заняли свои места на разных концах дивана.

— Итак, ребята, — сказала Куин, ставя на место лампу, — чем занимаетесь?

— Нам скучно, — сказал тот, что сидел справа, и скрестил руки на груди так же, как это недавно сделал Кейл.

— Ага, — сказал тот, что слева, многозначительно прищурившись. — А вы знаете, что бывает, когда маленьким детям скучно?

— Нет, — призналась Куин, подтянув оттоманку и усаживаясь напротив них. — А что бывает, когда маленьким детям скучно?

— Они переворачивают все в доме вверх дном, — сказал один, повторяя произнесенное недавно отцом выражение.

— Они с ума сходят, — вторил ему другой.

— Ну я не знаю, у меня нет маленьких детей. — Куин старалась быть очень серьезной. — Но если бы были, то не переворачивали бы все в доме вверх дном. И ни у кого не было, бы времени на то, чтобы сходить с ума.

— Почему? — хором спросили мальчики.

— Они были бы слишком заняты.

— Смотрели бы телевизор и все такое? — уточнил один.

Куин покачала головой:

— Нет. Мы бы нашли занятие повеселее.

Близнецы настороженно переглянулись. Взрослые никогда не называли телевизор веселым занятием.

— Что может быть веселее, чем смотреть мультики? — недоверчиво спросил Эрик.

— Чей это набор карандашей на столе? — Куин показала на коробку, лежащую на столе под Окном.

— Эрика, — сказал мальчик слева.

Куин улыбнулась. Теперь она знала, что у Эрика был чубчик, а у Эвана нет.

— Можно посмотреть, Эрик? — попросила она.

— Конечно. — Он пожал плечами. — Я им не пользуюсь. Мне его подарила тетя Вэл.

Куин взяла коробку и достала содержимое.

— Вы только посмотрите на все это!

Близнецы переглянулись: что может быть особенного в пачке бумаги, цветных карандашах и прочей ерунде?

— Ладно, ребятки, можете идти и делать то, что вы собирались.

— Переворачивать, — многозначительно добавил Эван, вытягивая шею, чтобы

посмотреть, что делает Куин.

— Вверх дном, — уточнил Эрик. — Переворачивать вверх дном.

— Не важно, — спокойно сказала Куин, не отрываясь от лежащего у нее на коленях блокнота. Она быстро наносила светло-коричневым карандашом многочисленные штрихи и линии.

Прошло совсем немного времени, а мальчишки уже соскочили со своих мест и стали заглядывать ей через плечо, чего она, собственно, и добивалась.

— Это же мисс Джейн Маусвинг! — воскликнул Эрик, глядя на появляющуюся на бумаге из-под карандаша Куин фигуру.

— А как у вас получилось нарисовать мисс Джейн так здорово? — спросил Эван.

— Потому что это моя работа. — Она посмотрела на мальчиков и, увидев, что они не поняли, добавила:

— Я сочиняю истории про мисс Джейн и рисую к ним картинки.

Близнецы переглянулись и хором заявили:

— Книжки про мисс Джейн пишет С. К. Холистер!

— Верно. Селена Куин Холистер. Это и есть я. Куин — это мое второе имя, но друзья и знакомые обычно называют меня именно так.

— Почему? — Эрик наклонился еще ниже и почти повис на плече Куин, очарованный тем, как из-под ее карандаша все четче и четче проступали знакомые очертания маленькой мышки.

— Я не знаю. Моя мама тоже меня так называла, — она пожала плечами, кроме того, у меня была двоюродная сестра, которую звали Селена, поэтому, чтобы не путаться, меня все называли Куин. А я, наверное, к этому привыкла.

— А почему тогда ваша мама не назвала вас просто Куин?

Почему она назвала вас Селена, если все равно собиралась называть вас потом Куин?

— Потому что в семье моей мамы есть такая старая традиция — каждую девочку, которая рождается в семье первой, называют Селена — в честь прабабушки. Но у брата моей мамы родилась дочка еще до того, как родилась я, и он назвал ее Селена. Вот так и получилось, что мою двоюродную сестренку называли Селеной, а меня — Куин.

— Угу. — Близнецы переглянулись, кивнули и наклонились еще ниже.

— А у вас есть какие-нибудь книги про мисс Джейн? — спросила Куин.

— Нет, — сказал Эрик, — но в подготовительной школе учитель иногда нам их читал.

— Это книжки для девчонок, — пробурчал Эван, — мы не читаем девчоночьих книжек.

— Почему вы думаете, что истории про мисс Джейн только для девочек? Куин внимательно посмотрела на двойняшек.

— Потому что мисс Джейн — мышка-девчонка, и она делает все как девчонка.

— Например? — спросила Куин, по-настоящему заинтересованная.

— Ну... она всегда носит платья, поет или играет на флейте... и вообще. — Эван пожал плечами.

Куин посмотрела на свой рисунок — мышка в платьице, играющая на флейте.

— Она играет пчелам и бабочкам, — сказала Куин, как будто близнецы нуждались в этом объяснении, — чтобы им было веселее летать.

— Она устраивает чаепития, — сказал Эван, причем его лицо выразило крайнюю степень отвращения.

— Она девчонка! — повторил Эрик тоном, не допускающим дальнейших возражений.

— Ну а если бы вы писали книжки про мисс Джейн, что бы вы сделали, чтобы мальчикам их тоже было интересно читать?

В течение нескольких мгновений Эван и Эрик оставались совершенно неподвижными, что было абсолютно не похоже на них.

— Я знаю! — закричал Эрик, запрыгав по комнате на одной ноге. — Вам надо сделать так, чтобы у нее был брат!

— Брат-близнец, — уточнил Эван.

— Ага, — Куин призадумалась над неожиданным предложением, — ну, предположим, если у нее был бы брат, как бы вы его назвали?

— Мы бы его назвали... — Эрик прикусил нижнюю губу, обдумывая этот серьезнейший вопрос.

— Джед! Джедид! — вдруг восторженно заорал Эван. — Как Джедида Маккензи!

— Звучит неплохо, — признала Куин, — Джедид Маусвинг. А как вы его себе представляете? Опишите мне Джедида, чтобы я могла его нарисовать.

В течение следующих пятнадцати минут Куин и два близнеца, склонившись над столом, усиленно трудились над рисунком, совершенно не обращая внимания на человека, стоящего в дверном проеме с чашкой остывающего чая в руке. После стольких бессонных ночей, проведенных им в раздумьях о ней, после того как он постоянно ловил себя на том, что бессознательно пытается отыскать ее лицо в толпе на стадионе или в аэропорту, Кейл видел ее наяву. Она спокойно сидела за письменным столом, рисуя в альбоме и увлеченно обсуждая что-то с его сыновьями, как будто это был ее дом и ее семья.

"Если бы она пришла тогда, все было бы именно так, — подумал он, — все должно было быть именно так..."

— Это, наверное, мой чай? — спросила Куин, неожиданно обернувшись. Ее глаза блеснули от возбуждения — ведь она создавала новый персонаж.

— Мне кажется, он немного остыл, — ответил Кейл, осознав, что простоял в раздумьях несколько дольше, чем собирался.

— Ничего страшного. — Она улыбнулась, и ему показалось на мгновение, что дом накренился под сильным углом. — Не хочешь познакомиться с Джедом Маусвингом?

— Конечно. — Он откашлялся, подошел к столу и заглянул через плечо Куин так же, как его сыновья.

— Смотри, папа, он первопроходец, как Джед Маккензи! — воскликнул Эрик.

— Мне он чем-то напоминает Дэви Крокета, — заметил Кейл, безуспешно пытаясь не обращать внимания на аромат сирени. — Если бы у Крокета был хвост, пара больших круглых ушей и длинные передние зубы, то это был бы в точности его портрет.

— Это штанишки из оленьей кожи, — пояснила Куин, пытаясь сдержать дрожь, вызванную его близостью. — Ребята подкинули мне великолепную идею для следующей книги.

Если это сработает, я укажу их имена в аннотации.

— А что это значит? — поинтересовался Эрик.

— Это значит, что в начале книги будет написано что-нибудь типа "Огромное спасибо Эрику и Эвану Маккензи за то, что Джед появился на свет".

— Вы хотите сказать, что наши имена будут стоять в книжке? — спросил Эван с широко раскрытыми глазами.

— Ну да.

— Вот это здорово!

— Конечно, вы должны мне немного помочь и рассказать, что, по вашему мнению, должны делать мышки-мальчики.

— Это совсем нетрудно! Мы можем много чего придумать.

— Я думаю, Куин не имеет в виду драки, битье ламп или ломку мебели. Или сидение перед телевизором целый день напролет, — заметил Кейл.

— А мисс Джейн смотрит телевизор? — спросил Эван.

— Нет, не смотрит, — ответила Куин, — надо будет придумать что-нибудь еще.

— Почему бы вам не подумать о том, что будет делать Джед, пока вы будете мыть руки? — предложил Кейл.

— Хорошо, папа. — И близнецы на удивление бесшумно и незаметно исчезли из комнаты.

Оставшись с ней наедине, Кейл почувствовал себя крайне смущенным. Куин улыбнулась ему, и он ощутил дрожь в коленях. Боясь выдать свое волнение, Кейл поспешил присесть на диван.

— Так, значит, это Джед? — спросил он, чтобы нарушить неловкое молчание.

— Джед Маусвинг. — Куин вновь улыбнулась. Ее сердце бешено билось, и она покраснела, почти на сто процентов уверенная в том, что он слышит эти удары.

— А откуда взялась фамилия Маусвинг? — Кейл облизнул неожиданно ставшие сухими губы.

— Сначала была фамилия Мауслинг, "о дочка одной из моих подружек не выговаривала "л" и произносила "Маусвинг". Мне понравилось, и я решила оставить так. — Она замолчала и смущенно пожала плечами.

Пока близняшки были здесь, ей было легче оставаться относительно спокойной в его присутствии. Ведь в конце концов они были вместе, в одной комнате. Она втайне не раз мечтала об этом и не верила, что ее мечты могут сбыться. До сегодняшнего дня.

— Твои книги пользуются успехом, — сказал Кейл.

—; Мне нравится то, что я делаю. — Куин пожала плечами, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно безразличнее.

— Я тоже любил свою работу. — Казалось, тень упала на его лицо при этих словах.

— Я слышала о том, что произошло. Мне очень жаль, — сказала она. — Я знаю, как много значил для тебя бейсбол...

Кейл хотел пожать плечами и отмахнуться — мол, ерунда все это, как он часто делал на протяжении последних шести месяцев, но вдруг понял, что нет нужды притворяться перед ней.

— Было чертовски больно уходить из спорта, — сказал он тихо, почти шепотом.

— Мне очень жаль, Кейл. — Неосознанно она положила свою руку на его, ее теплота и нежность передались ему, и по телу словно пробежал электрический разряд.

— Мне тоже жаль. — Кейл резко поднялся, и ее рука соскользнула. Запястье, до которого она дотронулась, горело будто в огне. Он снова откашлялся — верный признак того, что он нервничал, чего не случалось с ним уже давно, — и направился в сторону кухни. — Ужин будет готов через пару минут. Правда, кетчуп для спагетти у нас из банки.

— Ничего страшного, — заверила его Куин.

Кейл быстро ретировался в безопасное пространство маленькой кухни, где можно было хотя бы избежать ее взглядов.

— Давай я помогу накрыть на стол. — Куин стояла всего в нескольких шагах за его спиной.

Кейл чуть не застонал вслух. Некуда бежать, негде спрятаться...

— Спасибо. — Он заставил себя улыбнуться и указал на навесной шкаф. Чашки и тарелки вон там.

Он пытался сделать вид, что ее присутствие ничуть его не смущает, что он даже не смотрит в ее сторону. Но сделать это в таком маленьком пространстве было невозможно. Их спины соприкоснулись, когда Куин потянулась к шкафу за тарелками. Она нечаянно задела его плечо, когда доставала из выдвижного ящика вилки, ложки и ножи. Он все больше и больше ощущал ее присутствие, от этого некуда было деться.

Кейл отодвинул край занавески. Буран не прекратился, скорее даже наоборот — усилился. Так что в любом случае ей придется остаться до утра.

И как же он, интересно, проведет с ней целую — ночь, под одной крышей?

Куин подняла глаза, взглянула на него и улыбнулась. Он почувствовал, что, кажется, сходит с ума.

Возможно, это будет самая длинная ночь в его жизни.

— Может, включить музыку? — Кейл стоял посередине гостиной, опустив руки, усиленно стараясь придумать, что бы сделать или сказать. Куин как раз выходила из кухни, где она мыла посуду, пока Кейл укладывал близнецов спать.

— Неплохо бы, — ответила она.

— Что ты любишь?

— А из чего можно выбирать?

— Из того, что можно поймать по этому старому радиоприемнику. — Он медленно повернул ручку настройки частоты. — Но, боюсь, сегодня выбор у нас невелик.

— Вот это звучит неплохо. Я вообще люблю рождественские песенки.

Кейл пытался настроить радио так, чтобы было поменьше треска и шума, и, пользуясь моментом, усиленно думал, что же ему делать дальше. Когда он представлял себе их встречу, все было предельно ясно, однако сейчас, когда Куин наконец оказалась рядом, все было совершенно по-другому, и Кейл совсем растерялся.

— Я уже слышала эту песню сегодня по радио, когда ехали в горы, сказала она, услышав первые аккорды "Я буду дома к Рождеству".

— Мне она всегда нравилась, — неловко сказал Кейл.

— Мне тоже — А почему бы тебе не присесть? — Кейл убрал с дивана покрывало, чтобы освободить место. — А я пока... — он оглядел комнату, лихорадочно думая, чем бы заняться, — я... подкину дров в камин.

Куин села на диван, подобрав ноги под себя и откинувшись на спинку. Кейл подбросил в огонь пару поленьев и поворошил угли кочергой. Куин сделала глубокий вдох, потом выдох. Мышцы ее лица начали болеть оттого, что на протяжении последних нескольких часов ей приходилось изображать беззаботную улыбку. Ее тело ныло оттого, что он постоянно был рядом. Она неотрывно смотрела на его спину, пока он возился у камина. Все попытки отвести глаза не увенчались успехом. Куин слишком долго его не видела и теперь пыталась рассмотреть, впитать в себя каждую его частичку. Темные волосы над воротником рубашки. Сильные руки, когда он брал поленья и подкладывал в камин...

Куин резко встала и подошла к окну. Вдруг случилось чудо и буран прекратился, пока они ужинали?..

Но чуда не случилось.

— Боюсь, он только, усилился, Куин, — произнес голос за ее спиной.

— Я думаю, мне надо позвонить домой — Она отвернулась от окна и обнаружила, что он стоит гораздо ближе, чем она ожидала.

— Неплохая мысль, — согласился Кейл, приказывая себе отойти назад, так, чтобы запах ее волос не достигал его ноздрей, но, похоже, его тело отказалось ему повиноваться.

— Я оставила сообщение на автоответчике, но мама будет беспокоиться, пока не поговорит со мной. — Ей так хотелось поднять руку и дотронуться до его лица, что пришлось крепко сцепить руки за спиной.

Куин первая сделала шаг назад. Избегая его взгляда, она взяла свою сумку. Заставляя себя смотреть в сторону, она вынула телефон, набрала номер и, стараясь говорить спокойно, рассказала, что произошло, своей матери.

— Мама передает тебе привет, и еще она просила поблагодарить тебя, сказала Куин,

убирая телефон в сумку.

— Не за что, — кивнул Кейл и воскликнул про себя:

"Куин, если бы ты только знала!"

— Итак, — Куин старалась заставить свой голос звучать беззаботно, что ты читаешь? —

Она подошла к креслу посмотрела на книгу, которая там лежала Это оказался роман одного из ее любимых авторов. — Я слышала, это довольно неплохая вещь.

— Да, он действительно здорово пишет, — ответил Кейл. — Но предыдущий роман мне понравился больше.

— Мне он тоже понравился, — согласилась она. — Ты догадался, что убийцей была Жанель, пока не прочитал книгу до конца.

— Нет, — он покачал головой, — я думал, что это Десмонд.

— Я тоже, — усмехнулась Куин.

Общая тема была исчерпана, да снова повисла неловкая тишина.

— Мне ужасно неудобно за ребят, я имею в виду то, что они тебя связали и заткнули рот, — неловко сказал он, с трудом подбирая слова от смущения.

— Я думаю, они были уверены, что поймали опасного преступника, и, похоже, ужасно гордились собой. — Она не смогла сдержать улыбку.

— Ты к ним слишком снисходительна. — Кейл тоже улыбнулся в ответ.

— Они всего лишь малыши, Кейл.

— Куин, мои сыновья — испорченные, недисциплинированные маленькие хулиганы, — сказал он. — Конечно, легко свалить всю вину на их мать, но на мне тоже лежит немалая ответственность за их воспитание.

Куин откинулась на спинку дивана, внимательно следя за выражением его лица.

— Я слишком мало бывал дома, Куин. Во время сезона я постоянно мотался по матчам, в перерывах торчал в санаториях, залечивая травмы. Потом подходило время весенних тренировок, а потом снова наступал сезон. Я проводил со своими детьми времени не больше, чем их мать, и практически не виделся с ними; так что было бы нечестно с моей стороны винить только ее.

— А теперь ты пытаешься наверстать упущенное.

— Кроме меня, у них никого нет, Куин. — Он нервно провел рукой по волосам. — Мать оставила их много месяцев назад и с тех пор ни разу о них не вспомнила. Она даже ни разу не позвонила, не говори уж о посещении.

— Я никогда не могла понять, как может женщина бросить своих детей...

— Мне кажется, это достаточно легко, если ты никогда не хотела этих детей. — Его взгляд неожиданно стал жестким. — Наверное, еще легче это сделать, если ты равнодушна к их отцу.

"Как могла женщина, какая бы она ни была, не любить его?" — эта мысль так отчетливо сформулировалась в ее голове, что ей казалось, она высказала ее вслух.

— Мне очень жаль. — мягко сказала Куин, представляя, чего ему стоило это признание.

— Женитьба на Джоу Бетт была ошибкой. В свое время это показалось мне неплохой идеей. Единственным положительным результатом этого брака стали близнецы.

— Они, наверное, скучают по ней.

— Я думаю, вряд ли, — Кейл поморщился и добавил:

— Как, впрочем, и я.

— Это же очень плохо.

— Возможно, но тем не менее это именно так! — Кейл, попытался откинуться на спинку кресла, чтобы почувствовать себя свободнее и убедить себя, что Куин — всего лишь старая школьная подруга, которую он совершенно случайно встретил.

Но бешено бьющееся сердце и нервное напряжение говорили ему как раз обратное.

— Сейчас я стараюсь дать им все то, чего они были лишены все эти годы. Насколько, конечно, это возможно. А задолжал я им достаточно много. Конечно, мне с ними немного трудновато, они привыкли развлекаться сами. Как видишь, сейчас я пытаюсь хоть немного отучить их от телевизора.

— Мне кажется, отвезти их в дикий штат Монтана было не самой плохой мыслью.

— Мне тоже сначала так показалось, когда Вэл это предложила. Теперь я уже не уверен, что поступил правильно. С каждым днем мне все труднее и труднее их развлекать... Кстати, а как у тебя дела, Куин? У тебя есть дети?

— Нет, — сказала она и не стала продолжать. Вряд ли стоит объяснять ему, что она так никого больше и не полюбила с тех самых пор. Нет, конечно, в ее жизни были мужчины, но ни один из них не вызвал в ней того же чувства, что Когда-то пробудил Кейл. Зачем вдаваться в подробности?

— Значит, ты пишешь книжки для детей и живешь... где?

— Сейчас я снимаю квартиру в Мизуле. У меня контракт до конца января с тамошним университетом.

— А потом что?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Возможно, останусь в Мизуле, возможно, вернусь на ранчо, а может, подамся еще куда-нибудь. Пока не решила. — "В конце концов это не так уж и сложно, — сказала себе Куин, если только смотреть все время не ему в лицо, а на ту маленькую точку на стене, как раз над его головой. Тогда все будет нормально".

— Мне кажется, это одно из преимуществ твоей работы — ты можешь уехать куда хочешь.

— Но при одном условии: там должны быть почта и электричество для моего компьютера. — Куин вопросительно посмотрела на Кейла:

— Ну а каковы твои планы?

— Принимая во внимание тот факт, что моя спортивная карьера окончена, ты это хочешь сказать? — Его глаза потемнели, и резко обозначились складки у уголков его рта.

— Наверное, непросто будет начинать все с нуля.

Кейл встал и потянулся, как будто находился; без движения несколько часов.

— Все говорят, что я мог бы стать судьей или работать где-нибудь на радио или телевидении.

— Это, конечно, не работа.

— Это не работа. Бейсбол стал частью меня самого, я не мыслю жизни без него. — Он помедлил, а, потом добавил почти шепотом:

— Может быть, мне просто страшно посмотреть правде в глаза и понять в один прекрасный день, что я — никто, абсолютно никчемный человек.

Его искренность изумила Куин, и у нее перехватило дыхание.

Она не успела ответить — Кейл повернулся к ней спиной и сказал:

— Мне кажется, самое время отправляться спать. Ты, должно быть, устала.

Куин смогла только кивнуть в ответ, с огромным облегчением вдруг осознав, что через несколько минут останется наедине с собой и не будет видеть его глаз, измученных горем',

которое, казалось, захватило все его существо, что ей не надо будет бороться с внезапным порывом подойти к нему, обнять и утешить.

— Можешь расположиться в моей комнате, я посплю здесь.

— Если ты не возражаешь, лучше я переночую здесь. Не хочу выгонять тебя из собственной постели, — сказала Куин, зная, что не сможет заснуть в кровати, в которой спал он.

Лучше уж диван.

— Да нет, ничего страшного...

— Нет, спасибо, мне будет лучше здесь, — сказала она с мягкой настойчивостью.

— Пойду принесу одеяла.

Он кивнул так, будто все понял, вышел из гостиной и через несколько минут вернулся с одеялами и подушкой, которые положил на диван.

— Я подумал, может, тебе захочется переодеться. — С этими словами он подал ей темно-серую рубашку и теплые спортивные брюки такого же цвета. Вэл оставила пару ночных халатов, но я не уверен, что ты в них не замерзнешь.

— Спасибо, это как раз то, что нужно. А где я могу переодеться?

— В ванной. Первая дверь налево. — Он указал в сторону коридора.

— Там есть душ? — Она немного помедлила, прежде чем задать этот вопрос.

— Да, конечно.

— Ничего, если я им воспользуюсь? — После своей прогулки она чувствовала острую необходимость принять душ.

— Конечно. Я принесу тебе полотенца.

Куин благодарно кивнула и последовала за ним в сторону ванной. Он достал пару махровых Полотенец из небольшого шкафчика и подал ей.

— Мыло вон там, — показал он, включая в ванной свет.

Кейл пытался сконцентрироваться на приготовлении постели для Куин, но его мысли постоянно возвращались к тому, что она находится всего лишь через стену от него. Он даже мог слышать журчание воды, которая стекала по ее спине, плечам...

Он добавил еще одно полено в огонь и начал энергично ворошить угли, как вдруг услышал, как открылась дверь ванной и за спиной раздались ее мягкие шаги — она входила в комнату. Кейл повернулся, и слова застряли у него в горле. Он смотрел, как она складывала одежду в свою сумку, и что-то сжималось у него внутри. Напрасно он пытался отвернуться.

Даже с влажными волосами, завернутыми в полотенце, Куин казалась ему еще красивее, чем была, прежде. Она изменилась лишь немного: кое-где округлилась, слегка подросла — словом, была в полном расцвете своей красоты. Кейл и представить себе не мог, что его старая серая теплая рубашка может смотреться на ком-либо так великолепно.

Куин чувствовала на себе его взгляд и буквально запрыгнула под одеяло, натянув его до самого подбородка.

— Тебе еще что-нибудь нужно? — спросил он.

— Лишь твое обещание, что утром я вновь не проснусь связанной, попыталась она разрядить обстановку.

— Обещаю, — улыбнулся Кейл своей лучшей улыбкой...

— Что ж, тогда, — сказала она, вытирая полотенцем влажные волосы, полагаю, увидимся утром. И спасибо.

— За что?

— За то, что приютил.

— Не за что. — Он попятился от дивана, как будто тот пылал огнем. Спокойной ночи, Куин.

— Спокойной ночи, Кейл.

"Приятных сновидений!" — хотела крикнуть ему вдогонку Куин, но не стала этого делать. Она лишь тихо лежала, прислушиваясь, как удаляются по деревянному полу его шаги.

Услышав, что дверь в его спальню закрылась, Куин села, сделала глубокий вдох, встала и по коврику подошла к камину, чтобы просушить у огня волосы. После этого она положила полотенце на каминную плиту и на цыпочках вернулась к дивану. Наконец-то впервые за все время пребывания в доме Маккензи она смогла остаться одна! Ей необходимо было разобраться с теми сюрпризами, что приготовила ей Судьба. Если бы кто-то сказал ей, что она проведет несколько пред Рождественских дней в уединенном домике вместе с Кейлом Маккензи, она бы рассмеялась этому человеку в лицо.

И тем не менее она сидела, одетая в его одежду и завернутая в одеяло, всего в каких-нибудь пятнадцати — двадцати футах от того места, где спал он. Как же мало изменился он за эти годы! Лицо разве что потеряло мягкость линий, но глаза мерцали все тем же светом, а улыбка была полна все той же теплоты, того обещания...

"Того обещания, которого он не выполнил", — напомнила она себе. Истерзанная воспоминаниями, Куин так и не решилась спросить, почему он тогда не пришел. Она не хотела, чтобы Кейл понял, что этот вопрос мучил ее все эти годы. Лучше притвориться равнодушной, чем беречь старые раны.

Старые раны! На самом-то деле они никогда и не заживали. Но это ее проблемы. Кейлу незачем об этом знать...

Куин глубоко вздохнула и завернулась в одеяло, сделав себе своего рода гнездышко. Она прекрасно понимала, что вряд ли ей предстоит выспаться этой ночью: ведь человек, который в течение стольких лет жил в ее снах, сейчас был рядом, под одной с ней крышей. Во плоти. Один лишь взгляд на Кейла затронул в ней такие струны, которые, как ей казалось, были уже давно порваны.

Куин вновь вздохнула и перевела взгляд на огонь. Танцующие язычки пламени ласкали кирпичи камина, и тени медленно раскачивались на стенах комнаты, словно их бросали танцующие в полумраке любовники.

Ч-черт!

Плохой образ.

Она отвернулась от огня, уткнулась в подушку и принялась считать от тысячи до одного. Все что угодно, лишь бы не думать о человеке с карими глазами, который спал в соседней комнате.

* * *

Кейл перевернулся на другой бок примерно в четырехсотый раз. Сон всегда с трудом приходил к нему, а в эту ночь он вообще вряд ли заснет, когда она лежит, свернувшись, на диване в тридцати двух шагах от него — он посчитал шаги, выходя из комнаты.

Мысли о Куин доводили его до головокружения. Она была здесь! Его золотая девочка была здесь, под его крышей. Все могло быть — должно было быть — по-другому, если бы

произошло так, как они планировали. Они бы сейчас лежали вместе под этим одеялом, дарили бы друг другу тепло и любовь, а не были бы разделены тридцатью двумя шагами.

Почему, хотел он спросить у нее, почему она не пришла тогда?! Но с тех пор уже минуло столько лет, что его вопрос может показаться ей глупым. Зачем усложнять себе жизнь, требуя объяснений от женщины за поступки, которые она совершила, будучи девочкой?

Он еще раз беспокойно перевернулся на другой бок и закрыл глаза, но перед ним вновь возник образ Куин — ее лицо, глаза, зеленые, как молодая трава, губы, алые, как ягоды...

Кейл застонал и вновь повернулся, понимая, что эта пытка продлится до рассвета.

Куин почувствовала его до того, как увидела или услышала. Чуть-чуть приоткрыв глаза, она следила, как он наклонился, взял полено и подложил его в уже догорающий огонь. Затем подложил второе полено, третье. Наконец вытер ладони о темные штаны, тихо прошел по коврику, подошел к ней и поправил одеяло. На мгновение приостановившись, он коснулся ее щеки, кончиками пальцев коснулся ее губ.

Дыхание ее перехватило: столько тоски и желания было в этом жесте! Он резко отдернул руку, повернулся и пошел прочь по коридору.

Куин подняла руку и коснулась лица в том месте, где только что лежала его ладонь. Другой рукой она утирала слезы.

Глава 8

Несмотря на завывания бури, новый день все же наступил. Куин потянулась и осмотрелась. Похоже, все, что с ней произошло, было не сном, а реальностью. Она была в доме Маккензи. И Кейл был здесь тоже. Какой странный поворот судьбы, подумала Куин, откидывая одеяло и подходя к окну.

Как и предполагалось, буря не прекратилась. Забавно, что она бушевала только в горах. Мама сказала, что у них внизу снега выпало не больше дюйма, это даже не помешало Тревору съездить в аэропорт за сестрами.

Достав из сумки одежду, она на цыпочках прошла в ванную, умылась и надела те же коричневые шерстяные твидовые брюки и светло-коричневый свитер, что и вчера.

Постояв в коридоре, она прислушалась к звукам в обеих спальнях. Там была полная тишина. Куин вошла на кухню и заглянула в шкаф.

Вэл сделала основательные запасы. Куин обнаружила несколько пакетов муки и сахара, множество различных травяных чаев, несколько упаковок смеси для приготовления пудинга, сухие супы и консервированную томатную пасту.

В холодильнике она нашла молоко, несколько упаковок масла, яйца, яблоки и апельсины. В морозильном отделении было множество различных упаковок, и она быстро осмотрела их. Помня о том, как близнецы жаловались на спагетти, приготовленное Кейлом, она выбрала упаковку замороженной овощной смеси и кусок говядины, твердый как камень от долгого пребывания в холодильнике. Подумав, что Кейл не будет возражать против помощи по хозяйству, а близнецы — против разнообразия в еде, она решила приготовить тушеное мясо с овощами.

В корзине около задней двери она нашла небольшие поленья для плиты, и скоро по кухне разнесся аромат кофе. К тому времени, как в дверном проеме показались лица братьев, она уже решила, что подать на завтрак. Куин любила готовить. К тому же она уже встала, а братья явно были голодны.

— Блины будете? — поинтересовалась она у них.

Братья с энтузиазмом Закивали головами.

— Тогда идите умойтесь, оденьтесь, а когда вернетесь, первые уже будут готовы.

— Хорошо! — И они побежали в ванную.

Скоро появился и их отец. Ароматные запахи, исходящие из кухни, подняли его с постели.

— Я надеюсь, ты не возражаешь? Просто я люблю готовить, кроме того, я проснулась пораньше и подумала, что...

— Спасибо большое. Ты, наверное, обратила внимание, что я далеко не великий кулинар. — Он улыбнулся, и ее сердце забилось быстрее. — Могу я чем-нибудь помочь?

"Просто стой, где стоишь, и дай мне насмотреться на тебя. Буран продлится недолго, ну максимум несколько дней".

Она вздрогнула при этой мысли и подала ему чашку кофе.

— Спасибо, я уже почти все сделала. Посмотри, что я нашла в холодильнике. Вишневое варенье. Вэл, наверное; купила его на осеннем фестивале в Ларкспуре в октябре.

— Я уже не помню, когда последний раз ел блины с вишневым вареньем. Кейл взял банку и сделал вид, что внимательно читает написанную от руки этикетку. Он с сожалением

заметил, что запаха сирени больше не было, вместо этого от волос Куин теперь пахло его собственным мылом.

Тоже неплохо, подумал Кейл.

Он смотрел, как Куин разбивает яичную скорлупу и выливает содержимое в тесто. Она выглядела просто превосходно.

Он хотел сказать ей об этом, но губы почему-то произнесли:

— Блины — это для нас целое событие. Надо бы взять у тебя пару уроков по кулинарии.

— С удовольствием. — Она отвернулась к плите, чтобы не видеть его глаз. Желание протянуть руку и дотронуться до него было таким сильным, что это ее испугало. Если бы можно было куда-нибудь сбежать, скрыться, она немедленно сделала бы это. Но за стенами маленького домика бесновался и выл буран, поэтому она просто сжала зубы и начала размешивать тесто.

— Ура! Сегодня на завтрак блины! — предел Эрик, вбегая в комнату.

— Классно! — проорал Эван, обгоняя брата, и наткнулся на серьезное препятствие, которое при ближайшем рассмотрении оказалось его собственным отцом. Подняв глаза, он спросил:

— Мы правда не будем сегодня есть холодную кашу и вареные яйца?

— Ладно, садись за стол, гурман. — Кейл указал на небольшой деревянный столик, и близнецы немедленно воспользовались приглашением.

Кейл старался заставить свои руки не дрожать, когда держал тарелку, на которую Куин накладывала блины. Он также пытался убедить себя, что это не ее бедро касается его. Он заставил свои руки остаться на местах, в то время как они помимо его воли, повинувшись исключительно инстинктам, желали обнять талию Куин, когда она повернулась, чтобы сложить в раковину грязную посуду. Заставлял себя не думать о том, как прекрасно было бы поцеловать ее в шею...

— Папа, мы не знаем, чем заняться. — Эрик являл собой воплощение скуки и отчаяния. Кейл промолчал. Ему практически нечего было им предложить.

— Папа, а можно посмотреть, ну хоть один фильм? — заискивающе спросил Эван.

— Ребята, здесь нет видео, — напомнил им Кейл очевидный факт, который они упорно не желали признавать, — и нет телевизора.

— А почему тетя Вэл не купила телевизор? — поинтересовался Эрик.

— Монтана — никчемное место, — заявил Эван. — Здесь холодно, все время идет снег. Здесь нечего делать.

— Пардон, но не могла бы я поучаствовать в вашей дискуссии? — Куин присела на краешек стула.

— Конечно, мы всегда рады новым людям, — пригласил ее Кейл.

— Между прочим, Монтана вовсе не никчемное место, ее иногда даже называют "Штат сокровищ", потому что здесь очень много полезных ресурсов.

— Каких еще ресурсов? — все еще хмурясь, поинтересовался Эрик.

— Например, медь и сапфиры...

— Что такое сапфиры? — спросил Эрик.

— Красивые голубые камни, из которых делают дорогие украшения. Ну и конечно, здесь добывают золото и серебро...

— Настоящее золото?

— Да, в Монтане есть на что посмотреть. Попросите отца как-нибудь сводить вас в

одно из заброшенных поселений, когда погода будет получше.

— Заброшенные поселения? — Эрик уставился на своего отца округлившимися от восторга глазами. — Настоящие заброшенные поселения?

— Да, конечно, — ответил Кейл, — здесь есть несколько неподалеку.

— Эрик; они это нарочно придумали, — засомневался Эван.

— Нет, почему же, например, где-то в двух милях отсюда на противоположном склоне горы есть заброшенный поселок Голова Золотоискателя.

— Голова Золотоискателя? — хором воскликнули близнецы.

Куин кивнула.

— Если вы хотите послушать эту историю, для начала сядьте.

Они уселись; и Куин с Кейлом начали по очереди рассказывать им о заброшенных поселениях.

В конце концов мальчики пришли к выводу, что Монтана не такое уж и никчемное место, но, конечно, только при условии, что погода улучшится и они смогут увидеть такие чудесные места, как Вороний Череп, Рука Индейца и им подобные.

Этот разговор развлек их до половины первого, потом они поели консервированного супа и сэндвичей с мясом тунца.

— А что мы теперь будем делать? — поинтересовались братья.

Куин взглянула на Кейла, но отчаяние в его глазах сказало ей, что у него; похоже, все идеи были исчерпаны.

— У меня появилась одна мысль. Кейл, ничего, если я еще раз похозяйничаю у тебя на кухне?

— Чувствуй себя как дома, — сказал он с благодарностью.

Куин осмотрела Содержимое шкафов и выбрала все необходимое. Как раз в тот момент, когда братья начали очередной раунд своего бесконечного поединка на полу гостиной, она вошла и спросила:

— Никто не поможет мне приготовить рождественское печенье?

Все, три представителя семьи Маккензи застыли от изумления.

— Вы хотите сказать, настоящее рождественское печенье? — уточнил Эрик.

— Да. У нас есть все необходимое, Никто не хочет помочь?

На кухне было достаточно тесно, и скоро она наполнилась запахами цитруса, ванили и корицы. Кейл очищал апельсины для особой начинки, которую готовила еще бабушка Куин.

Близнецы по очереди месили тесто и вырезали из него фигурки. Они наготовили целую гору звездочек, бейсбольных и футбольных мячиков, раскрашенных какао, и маленьких полумесяцев. Мальчики радовались этому занятию.

Незаметно стемнело. И все это время продолжал кружить снег и завывать ветер.

* * *

— Неужели? — нахмурилась Куин, глядя за окно и разговаривая по телефону с Санни, приехавшей вчера на ранчо, — Внизу вообще не идет снег? Санни, да здесь из-за снега света белого не видно. Непроглядно... Нет, Куин понизила голос, — я ничего не выдумываю. И ничего между мной и Кейлом не происходит... мы просто находимся под одной крышей, и все...

Совершенно верно. Прячемся от бурана. Конечно, нет... мы старые друзья. Да, и не более того, Санни. Конечно. Я уверена, — буквально зашипела она на сестру, которая, несмотря на все доводы, не верила словам Куин.

— Как Санни? — Кейл выглядел удивленным.

— У нее все хорошо. У нее очень милая дочурка Лили, которую она удочерила около двух лет назад, — сказала ему Куин, не зная наверняка, подслушивал он ее или нет. — Когда она развелась со своим мужем, она позволила ему выкупить свою долю в бизнесе — мы так и не поняли этого поступка, но она была непреклонна. В настоящий момент ищет чем заняться. Мне представляется, что она начнет какое-нибудь новое дело.

— А как другие сестры. — Кейл сел на стул с высокой спинкой, а она расположилась на диване, отодвинув кучу лежавших на нем одеял.

В домике было непривычно тихо, близнецы уснули после того, как Кейл рассказал им захватывающую, но несколько запутанную историю о том, почему заброшенный поселок Голова Золотоискателя имеет такое странное название.

— У Лизы свое ток-шоу на радио в Сиэтле, думаю, Вал рассказывала тебе об этом, а Си-Си торгует ювелирными изделиями по телевидению.

— Что делает?

— Ведет передачу типа "Магазин на диване".

— Ты шутишь, — рассмеялся он.

— Нет, не шучу. И если бы ты ее увидел, ты бы не стал так веселиться. Она очень серьезно относится к своей работе и радуется каждой минуте в эфире. Она себя чувствует на месте в этой программе. И это после неудачи в программе новостей в Абилине.

— Что ж, я рад, что она счастлива. Си-Си всегда мне нравилась. Она была для всех нас старшей сестрой. Помню, как она играла со мной и Скаем в "бейсбол, когда поблизости не было Тренора — Я тоже помню это. Вы никогда не позволяли мне играть.

— Пока ты была маленькой, нет, — сказал Кейл, и на обоих нахлынули воспоминания о давних временах, когда Куин неумело бросала мяч Кейлу, а он отбивал его в лес, после чего они вдвоем подолгу искали его...

Так давно это было!

Куин покраснела.

Почувствовав ее смущение, Кейл резко сменил тему:

— Ты сегодня здорово справилась с ребятами.

— С ними было весело, Кейл. Мне было хорошо с ними.

"И с тобой, — добавила Куин про себя — Так здорово быть с тобой снова. Смотреть на твое лицо и смешить тебя, видеть тебя осыпанного мукой и наблюдать, как твои сыновья по очереди отряхивают тебя, оставляя на спине следы своих рученок. Это вновь разбивает мне сердце, но я буду наслаждаться каждой минутой, проведенной с тобой. Эти дни останутся со мной навсегда..."

— За эту неделю я провел с ними больше времени, чем за все эти годы, признался Кейл, — и, честно говоря, мне это нравится.

— Думаю, секрет заключается в том, чтобы они все время были заняты тем, что им нравится.

— Я только начинаю разбираться, что им нравится. — Его лицо погрузнело. — Моим сыновьям уже по четыре года, а я их почти не знаю.

— Некоторые отцы до самой смерти остаются чужими для своих детей, сказала она.

— Папа, я не могу заснуть, — раздался голосок, из темного коридора.

— Что случилось, малыш? — Выражение лица Кейла смягчилось, когда в дверях, потирая кулаками глаза, робко появился Эван с заспанным лицом.

— Мне приснился плохой сон.

— Ух ты! — Кейл подошел к сыну и взял его на руки, а малыш положил голову ему на плечо. — Наверное, не самой лучшей мыслью было рассказывать перед сном истории про привидения.

— Ты со мной побудешь? — зевнул Эван.

Кейл посмотрел на Куин, и она кивнула ему.

— Я сегодня немного устала, — сказала она, — и хочу лечь, пораньше.

— Ну... — Он поколебался мгновение, потом медленно кивнул и сказал:

— Тогда, наверное, увидимся утром.

— Конечно. Спокойной ночи, Кейл. — Куин встала и легонько похлопала мальчика по спине. — Спокойной ночи, Эван.

— Спокойной ночи, Куин, — последовал сонный ответ.

Кейл уносил сына назад в спальню, и его шаги удалялись по сосновому полу. Куин подбросила в огонь дров и надела ту же одежду, что и прошлой ночью. Одежда не стильная, не сексуальная, разумеется, но теплая. А это уже немало, когда ты находишься в маленьком домике посреди бушующего вокруг бурана. Куин надеялась, что он прекратится завтра. Очень надеялась. Иначе она не сможет долго выносить присутствия Кейла. Боль, что он причинил ей, когда-то была такой сильной, что, вытеснив все остальные чувства, осталась единственным ее воспоминанием о нем.

И теперь она была вместе с ним, она слышала его смех, слышала, как он произносил ее имя. Его присутствие разрушало крепость, которую Куин возвела вокруг своего сердца, дабы никто не смог приблизиться к нему.

Она вздохнула и, сжав подушку, подумала, что эти два дня доказали ей нечто, о чем она подозревала многие годы: глубокое чувство, настоящее чувство никогда не умирает. Несмотря ни на что.

— А что мы будем делать сегодня? — Эван налетел на Кейла сзади.

— Делать нечего, — заныл Эрик.

— Рождество через два дня. — Эван посчитал ни пальцах. — Это самое плохое

Рождество:

— С чего это ты взял? — спросил Кейл.

— Мы застряли в домике. Санта-Клаус никогда не найдет сюда дорогу. Глаза Эрика

расширились, когда он вонял весь трагизм этой ситуации.

Близнецы в ужасе посмотрели друг на друга.

— Никаких рождественских подарков? — прошептал Эван.

— У нас даже нет елки! — простонал Эрик.

— Жаль, что мы вообще сюда приехали, — заявил Эван. — Я хочу домой.

— Мы хотим домой, — повторил Эрик.

Только что закончив мыть посуду после завтрака — Кейл сделал утром свою знаменитую яичницу, — Куин остановилась перед раковиной и вытерла руки полотенцем.

— Надевайте пальто, ребята, — сказала она им.

Близнецы хором застонали.

— Нет. Только не гулять, — запротестовал Эрик. — Папа, не разрешай ей вести нас гулять!

— Мы пойдем делать снеговика на крыльце, — сообщила она. — Там полно снега.

Пойдем.

Не давая им возможности возразить, она подтолкнула их к двери и помогла Кейлу одеть их. Одевшись сами, Кейл и Куин вывели близнецов на крыльцо.

— Куин права, — сказал им отец, — здесь хватит снега для хорошего снеговика.

И действительно, снеговик получился прекрасный, и мальчики захотели сделать ему лицо. Найденные в углу сосновые шишки превратились в глаза, нос и рот. Близнецы были рады своему творению, но прошло немного времени, и, замерзшие и усталые, они вновь начали скучать.

— Мы хотим рождественскую елку, папа, — торжественно заявил Эван. Если у нас будет елка и Сайга-Клаус нас найдет, ему будет где оставить подарки.

Кейл собирался срубить елку на заднем дворике, но он не рассчитывал на буран. Конечно, мальчики имели полное право просить елку. Правда, если Вэл не привезет подарков, то под нее нечего будет положить, но об этом он подумает позже.

— Ребята, идите с Куин внутрь и погрейтесь. Я приду через пару минут.

— Что ты собираешься делать, папа?

— Это сюрприз. Идите. — Кейл открыл дверь, загоняя их в дом. — Может, Куин сделает вам что-нибудь горячее попить.

— Конечно, Кейл, но что ты... — Куин не договорила, вынужденная последовать за ребятами.

Когда дверь за ними закрылась, Кейл повернулся к снеговику и спросил:

— Что за Рождество без елки?

— Ну, что скажете, ребята? — Кейл поставил на пол маленькое деревце и повернул его. Близнецы с ужасом смотрели на нее.

— В чем дело? — спросил он.

— Что это? — нахмурились они.

— Это, — сообщил им Кейл, — наша рождественская елка.

— Это не рождественская елка!

— Это пруттик!

Сложив руки на груди, Кейл сделал шаг назад и взглянул на елку, которую только что срубил у самого крыльца. Он пытался увидеть ее глазами сыновей.

Елка была немного... куцей.

— Отчего же, хорошая елка, — заявила Куин, увидев разочарование на лице Кейла. — И будет еще лучше, когда мы ее украсим. Увидите, просто замечательной.

— У нас нет игрушек, — завыл Эван.

— Тогда мы их сделаем, — сказала она. — Эрик, доставай свой набор.

— Ну вот, — безрадостно сказали ребята.

— Возьми. — Куин протянула Эрику ножницы и стопку бумаги. — Ты будешь вырезать полоски, вот так.

Она сложила бумагу в полоски равной ширины и отрезала две первые. Потом достала из набора клей, открыла его и сказала Эвану;

— А ты будешь склеивать их в гирлянду, ясно?

Она склеила две полоски в пересекающиеся кружочки, затем отрезала еще полоску, добавила третий кружок и дала все это Эвану.

— Мы всегда так делали, я и Вэл, — тихо сказал за ее спиной Кейл. — С бабушкой. Все, что было на елке, мы делали своими руками.

Куин повернулась к нему, и ей захотелось обнять его.

Откуда-то из глубины лет вернулся старый Кейл. Она узнавала каждую его черту, вспоминала его боль и огорчения, которыми он всегда делился с ней: и когда их бросила мать, и когда умерла бабушка, и когда отец приходил домой пьяный.

— Мы тоже делали игрушки, — сказала Куин и взяла лист белой бумаги. Сидя за столом рядом с Кейлом, она отрезала широкую полоску, сложила ее в маленький квадратик, размером дюйма в два, обрезала его ножницами, развернула полоску и протянула Кейлу. — Это гирлянда из сердечек, — просто сказала Куин.

Он встретился с ней взглядом и принял ее нехитрый подарок, задержав на мгновение руку на ее руке.

— Сердечки для девчонок, — сказал Эрик, заглядывая через плечо отца.

Кейл нахмурился, взял одну из полосок белой бумаги, которую отрезала Куин, и разложил на столе. Он сложил ее в маленький квадратик, надрезал так же, как и она, и распустил гирлянду так же, как это сделала она. Куин улыбнулась, взяла ее и приклеила к своей, и на долгий миг время, казалось, остановилось, и не было никого в целом мире, кроме них двоих.

— Папа, ты, что, позволишь ей вешать сердечки на нашу елку? подозрительно спросил Эрик.

— Я бы позволил ей повесить на нашу елку все, что она захочет, — тихо сказал Кейл.

— Ну вот, — проворчал Эван, не понимая, что это происходит с их отцом, — А как бы смотрелось на елке рождественское печенье? — спросила Куин.

— Рождественское печенье? — хором переспросили мальчики. Она завладела их вниманием. — Как то, что мы делали вчера?

— Сегодня другое. Специально для елки, — сказала Куин.

— Ура! — захлопали в ладоши близнецы, и маленькие дьяволята вновь превратились в маленьких мальчиков.

— Заканчивайте гирлянду, — сказала она, — а я тем временем приготовлю обед, а потом мы будем вырезать печенье.

— А какой длины должна быть гирлянда? — нахмурился Эрик.

Куин попробовала прикинуть, сколько ей потребуется времени, чтобы сварить суп из консервов и замесить первую партию теста.

— Гирлянда должна быть длиной от дивана до двери, — кивнула она, решив, что это займет у них ровно столько времени, сколько потребуется ей на работу.

Потом Кейл смотрел, как она с его сыновьями раскатывала тесто и терпеливо показывала, как вырезать печенье. Он видел их лица, когда они с интересом осваивали новое для них искусство, довольные результатами, ищущие внимания и одобрения Куин. И радость от созерцания мирной сцены переполнила его. Умиротворенный теплотой этого дня, Кейл вдруг понял, что никогда не был так счастлив. Ему хотелось ухватиться за этот миг. Но он лишь прислонился к стене и заставил себя не разрыдаться от умиления: прекрасная женщина и два прекрасных мальчика вырезают неровные звездочки из теста.

Все было именно так, как он мечтал. Похоже, мечтам действительно никогда не поздно стать реальностью.

* * *

— Елка выглядит очень неплохо, — отметила Куин, когда Кейл, взяв мальчишек под мышки, собирался отнести их в ванную комнату, где их уже ждала ванна, наполненная горячей водой.

— Классная елка, — весело пропел Эрик, — и мы сами ее сделали.

— На ней нет огней, — заметил Эван.

— Ей не нужны огни, — возразил Эрик. — Это как елка первопоселенцев, а у них не было электричества. Правда, папа?

— Правда, сынок. — Кейл понес мальчиков по коридору.

Пока Кейл занимался детьми, Куин убралась на кухне, сделала две чашки чая и поставила их на столик у камина. Все было так, по-домашнему спокойно, что ей хотелось плакать. У нее появилось ощущение, как будто это был ее дом. И если бы все вышло по-другому, этот дом действительно мог стать ее домом.

Она нежно дотронулась до украшений на елке. Мальчики были такими милыми, когда их делали. У них не было пищевых красителей, и они воспользовались какао, и из светлорычневой теста вылепили медведей, волков и оленя, точно такого же, какого они видели в горах. Из обычного теста они сделали бейсбольные мячи и биты для папы. И наконец, вырезали рукавички по форме своих ладоней из красной и синей бумаги, настояв, чтобы Кейл и Куин тоже обвели на бумаге свои руки. Все это они повесили на елку.

Эти рукавички так трогательно смотрелись на елке четыре ладошки, как будто папа-мишка, мама-мишка и двое мишуток. Что же будет со всеми этими украшениями, когда Кейл

увезет детей назад в Мэриленд?

— Ребята хотят пожелать тебе спокойной ночи, — сказал Кейл, возвращаясь в тихую комнату.

— Хорошо, — сказала она и пошла по коридору Она вернулась только через двадцать минут — мальчишки уговорили ее рассказать им историю перед тем, как она выключит свет Кейл уже приготовил ей постель и сейчас растапливал камин.

— Дети прекрасно провели время-Сегодня, — сказал он, поворачиваясь к ней Сыновья спали в своих кроватках, и теперь уже ничто не отвлекало его внимания от Куин Кейл не отрываясь смотрев на ее лицо. На ее тело.

— Я тоже прекрасно провела время С ними очень весело, — сказала она и добавила с улыбкой — Конечно, когда они тебя не связывают.

— Я прошу прощения, — рассмеялся Кейл и сделал несколько шагов в ее сторону Близость ее пронзила ему душу, смех застрял в горле — Куин — Он с трудом подыскивал слова — Спасибо тебе за то, что ты занималась с детьми сегодня Не помню, когда еще они так веселились Спокойной ночи.

Кейл резко повернулся, и Куин осталась в комнате одна.

Чувство разочарования охватило ее Она надеялась посидеть с ним немного, хотела поговорить о прошедшем дне Все, что они делали сегодня, было таким естественным И поговорить обо всем этом в конце дня тоже было естественным.

"И наверное, в нормальной, счастливой семье так обычно и происходит, подумала она, переодеваясь в теплую рубашку и штаны, в которых спала прошлой ночью — Если это нормальная, счастливая семья. Но мы таковой не являемся Это дети Кейла и другой женщины, а я всего лишь — как там сказал Эван? — залезла без спросу".

С невеселым вздохом она выключила свет и уставилась в темноту С тоской на сердце она признала очевидный факт, что после всех этих долгих лет она, все, еще любила Кейлеба Маккензи.

Температура в домике упала на несколько градусов, и Кейл решил подбросить в огонь дров И наверное, неплохо было бы захватить еще одно одеяло для Куин, оно может ей понадобится.

Он тихонько прошел тридцать два шага к дивану и укрыл спящую женщину одеялом, затем подбросил в огонь дров и немного раздул его. Повернувшись к дивану, Кейл едва поборол возникшее жгучее желание разбудить Куин и сказать, что он по-прежнему безнадежно любит ее.

Когда-то Кейл думал, что никогда не сможет простить ее За причиненную ему боль. Но одной ее улыбки хватило, чтобы доказать, что он ошибался Думая, есть ли хоть малейший шанс начать все сначала, Кейл подошел к окну и стал вглядываться в зимнюю ночь.

Похоже, буря прекратилась, но ветер по-прежнему завывал вокруг дома, закручивая снег в вихри. Ночь все еще была окрашена в белый цвет, и лишь легкие отблески лунного света лежали на склонах холмов. Кейл уже было отвернулся от окна, когда его взгляд уловил какую-то фигуру, движущуюся между деревьями. Он прижался лицом к стеклу. Кто может бродить там в такую ночь?

Силуэт легко пробирался через сугробы, как будто это была не ветреная зимняя ночь, а тихий летний вечер. Озадаченный, Кейл направился к входной двери и открыл ее, не веря своим глазам.

Вон она, около скалы. Теперь он мог видеть ее вполне отчетливо Но как она оказалась

здесь?!

— Вы заблудились? — крикнул он. — Вы сможете самостоятельно добраться до дома?

Фигура, похоже, направилась в сторону леса.

— Нет! Не двигайтесь! Стойте на месте. Я сейчас вам помогу. — Но фигура, казалось, растворилась в воздухе Озадаченный, Кейл стоял возле открытой двери, вглядываясь в белую ночь.

— Кейл? — окликнула его Куин с дивана. — Что случилось?

— Ничего, — ответил он. — Все в порядке.

— С кем ты разговаривал? — Куин села на диване и сонно потянулась.

— Мне показалось, что я вижу какой-то силуэт.", но, конечно, показалось. Этого не может быть. Кто может разгуливать в такую ночь?

— Это была женщина? — спросила Куин. — Женская фигура, завернутая в одеяло?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже видела ее. Она показала мне дорогу к твоему домику.

Кейл озадаченно уставился на нее:

— Ты хочешь сказать, что эта женщина довела тебя до моего дома, а ты мне даже не сказала об этом?

— Это была Элизабет. — Она улыбнулась в темноте.

— Элизабет? — изумленно спросил он. — Ты хочешь сказать, твоя прапра... как ее там?

— Да.

— Ты хочешь сказать, тебя сюда привел призрак?

— Мы не считаем ее призраком. Но... да, мне кажется, это ее дух.

— Не забудь сказать ей спасибо, — усмехнулся Кейл — Я уже ее поблагодарила.

В свете камина волосы Куин Приобрели Медный оттенок, и он понял окончательно и бесповоротно, что не может больше бороться с собой.

— Куин.

Он сел на диван рядом с ней и взял ее лицо в свои руки Их глаза встретились, и они долго смотрели друг на друга.

Кейл наклонился вперед и поцеловал ее, сначала осторожно, чтобы у нее была возможность отстраниться в том случае, если он не правильно понял ее взгляд. Куин прижала его к себе и жадно раскрыла губы навстречу поцелую. Сколько раз она мечтала об этом! Его руки ласкали ее лицо и шею. Он тоже мечтал об этом долгими бессонными ночами. Откинувшись на подушки, Куин увлекла его за собой и обняла еще крепче.

Руки Кейла начали ласкать ее тело, притягивающее к себе как магнит.

— Куин, — спросил он, хотя и очень не хотел останавливаться, но ему было необходимо узнать это, — Куин, почему ты не пришла в тот день?

— Что? — Ее глаза широко раскрылись от изумления.

Он не мог этого сказать. Или она ослышалась?

— Если ты передумала, почему ты просто не сказала мне об этом?

— О чем ты говоришь? — Она отстранилась от него.

— Не говори только, что ты забыла, Куин. Даже после всех этих лет я тебе не поверю. — Он сел на диване и нервно провел рукой по волосам.

— Кейл...

— Твои родители узнали о том, что мы собираемся убежать? Или ты испугалась? Мне

нужно это знать, Куин. Почему ты не пришла?

Куин оттолкнула его и резко встала с дивана. Старая боль пронзила ее с новой силой.

— О чем ты говоришь? Я ждала. Я ждала тебя весь день... — Она начала нервно мерить комнату шагами.

— Куин, я был здесь весь день, я стоял и ждал тебя на этом самом крыльце... — Он встал и показал в сторону входной двери.

— Здесь? — изумленно спросила Куин. — Почему ты ждал меня здесь?

— Потому что мы договорились встретиться двадцать седьмого июля в три часа возле домика.

— Около домика Элизабет.

— Около домика Элизабет? — Он нахмурился. — Нет, Куин, когда я говорил "жди меня около домика", я имел в виду этот домик... — У него во рту внезапно пересохло. — Ты хочешь сказать, что была там? Возле домика Элизабет?

Ты действительно ждала меня там?

— Весь день, пока не стемнело. — Она закрыла глаза, все еще не веря. А ты был здесь?..

— До самого последнего момента. Пока не понял, что опаздываю на самолет.

— Кейл... Кейл... — Абсурдное недоразумение, сломавшее им жизнь, потрясло Куин, и у нее перехватило дыхание. — Все эти годы я думала, что... что;.. — Она отвернулась к камину, не в состоянии продолжать.

..что я не люблю тебя? Что в последний момент я передумал? — Кейл говорил то, о чем и сам не раз задумывался все эти годы.

Она кивнула:

— Да.

— Я думал точно так же, — прошептал он.

Слезы, прозрачные, как горный хрусталь, и большие, как жемчужины, появились в ее глазах и скатились по щекам.

— Куин, я никогда не переставал любить тебя. Ни на один день. Ни на час. — Он обнял ее. — Я подумал, что, может быть, ты испугалась в последний момент, испугалась неизвестности...

— Нет, Кейл. Я никогда не боялась любить тебя.

— Даже теперь?

— Особенно теперь.

Он оторвал ее от пола, одной рукой взял теплое покрывало с дивана и бросил его на пол перед камином. Осторожно уложив ее, он лег рядом и, не говоря ни слова, начал целовать ее мокрое от слез лицо, шею, спускаясь все ниже и ниже, пока не добрался до пуговиц старой рубашки. Куин торопливо расстегнула их одну за другой, обнажая шелковую кожу и призывая Кейла сделать с ней то, о чем так мечтала все эти годы. Тихо постанывая сквозь приоткрытые губы, она все больше и больше отдавалась прикосновениям его горячих губ, вскрикивая, когда его нежные руки и ищущие губы находили на ее теле места, которые так долго жаждали его прикосновений.

Реальность не шла ни в какое сравнение с фантазиями.

Куин стянула через голову рубашку, потом сняла с Кейла свитер, ощущая непреодолимое желание прижаться к его обнаженному торсу. Она чувствовала, как плавится ее тело и страсть, яркая, обжигающая, заполняет все ее существо, будто лава. Не говоря ни слова, они двигались слаженно, как будто в едином ритме какого-то мистического танца,

пока наконец не слились в общем экстазе, в котором воплотились все их фантазии и который унес их далеко от земли, туда, где правит волшебница-ночь.

Глава 10

Впервые за долгие годы Кейл спал как младенец. Проснувшись и увидев Куин, спящую рядом с ним, он чуть не заплакал от радости, убедившись, что все события этой чудесной ночи не были всего лишь сном. Он нежно поцеловал ее. Солнце как раз показалось между деревьями, и его первые лучи освещали домик. Куин придвинулась ближе к нему, молча призывая его начать с любви этот новый день, первый день их счастья. Повторного приглашения ему не потребовалось.

* * *

— Кейл, — прошептала Куин, лежа на его груди и не имея сил пошевелиться.

— Что, моя хорошая? — прошептал он в завитки ее нежных волос.

— Я думаю, нам надо вставать. — Она попыталась подняться, чтобы показать пример, но обнаружила, что не в состоянии.

— Почему?

— Твои сыновья скоро проснутся, — сказала она. — Мы не должны вот так лежать, укрытые только друг другом!

— Мм, — донеслось до Куин.

— Я понимаю это как согласие.

Сделав усилие, Куин села и начала искать свою одежду в куче одеял, которая каким-то образом переместилась с дивана на пол. Она нашла рубашку, натянула ее через голову и, почувствовав, что Кейл смотрит на нее, спросила:

— Что ты меня все рассматриваешь?

— Не могу поверить, что ты здесь со мной. После долгих лет тоски и ожидания.

— Двенадцать лет — " — приличный срок... — сказала она.

— Лучше поздно, чем никогда. Это просто чудо.

— Рождественское чудо, — улыбнулась Куин.

— Не многим выпадает такое счастье, как нам, — мягко сказал Кейл.

— Ты действительно думаешь, что все может быть как прежде? — Она перебирала пальцами темные волосы на его груди.

— Нет, — улыбнулся Кейл. — Лучше. Все будет гораздо лучше.

— И что нам теперь делать? — спросила Куин.

— То, что должны были сделать давным-давно — Он притянул ее к себе и поцеловал — Только на этот раз нам не нужно разрешение твоих родителей.

— Ты предлагаешь сбежать из дому?

— Вообще-то мы могли бы придумать кое-что получше, чем приемная местного мирового судьи. — Он погладил ее руки. — Например, церемония в присутствии всех Холистеров.

Не веря своим ушам, Куин спросила — Ты все еще хочешь на мне Жениться?

— Я никогда не переставал желать этого Ни на секунду И никогда никого не любил, кроме тебя Я не хочу вновь потерять тебя.

Она улыбнулась и положила голову ему на грудь — Я тоже не любила никого, кроме

тебя. Я думала, что умру, когда.

От грохота в дальней части домика они оба вздрогнули — По-моему, нам пора пошевеливаться, — вздохнула Куин — Бросим монетку, кто сегодня готовит завтрак? — спросил он, натягивая штаны и вставая.

— Это что, выбор между моими замечательными блинами и твоей яичницей?

— Не прошло и семидесяти двух часов с тех пор, как ты вернулась, а уже насмехаешься над моими кулинарными способностями.

— Может, спросим детей', что лучше? — невинно похлопала Куин ресницами.

— Готовь завтрак, а я... — он замолчал, опять услышав грохот, — а я посмотрю, что там происходит.

* * *

— Куин, почему ты спала на полу? — спросил Эван, указывая на кучу забытых у камина одеял Не оборачиваясь, Куин ответила.

— У огня теплее.

— Неплохая верей", — пробормотал Кейл, протягивая руку за сэндвичем.

— Что это значит? — Эрик уселся на один из деревянных стульев. Неплохая версия?

— Это значит — ешь свой завтрак — Кейл намазал маслом блин на тарелке одного, затем другого.

— Похоже, проясняется — Куин взглянула в окно и зажмурилась солнце играло на снегу и слепило ее — Но по радио объявили, что возможна еще одна снежная буря.

— Боже мой, какое невезение! — невозмутимо сказал Кейл — Ты можешь застрять здесь еще на некоторое время — Надо позвонить домой — Куин взглянула на часы Было десять утра — Это же канун Рождества, Кейл На Рождество я должна быть дома.

Куин ушла разговаривать в другую комнату, так что Кейл слышал голос, но не мог ничего разобрать От одной мысли, что она уедет, у него затряслись руки Он так боялся снова потерять ее! Рана, что зияла в его душе двенадцать лет, в одно мгновение затянулась Он не хотел, чтобы она вновь начала открываться Мучительно больно.

— Мой брат Тревор приедет сюда на тракторе, — радостно объявила им Куин, садясь за стол и делая глоток кофе.

— Он тебя увезет? — спросил Эван.

— Он собирается расчистить дорогу, чтобы я могла съехать с гор на машине.

— Ты уедешь? — У Эрика неожиданно задрожала нижняя губа.

— Ну вообще-то я думала взять вас с собой — Она посмотрела Кейлу в глаза. Под столом она провела ногой в шерстяном носке по его ноге Поскольку собирается еще одна буря и поскольку моя мам? полностью готова к празднику. — Она повернулась к детям. — И поскольку ваша тетя Вэл уже там, и, возможно, у нее есть кое-что для, ее любимых племянников — А Санта-Клаус нас там найдет? — спросил Эрик, обеспокоенный тем, что перемена адреса в последний момент может запутать доброго старичка.

— Несомненно. — Она улыбнулась Кейлу. Мама сказала ей, что Вэл приехала вчера вечером со всеми подарками, которые Кейл купил и отправил по почте на имя Вэл. — Что скажешь, Кейл? Чудесное Рождество ожидает нас внизу всего лишь в миле отсюда.

— Кого-то да. Но я... у меня свое Рождество, — мягко сказал он. — И оно было

чудесным. Как мечта, ставшая явью.

— Поедем домой со мной, Кейл. — Она протянула руку и нежно погладила его по щеке. — Я хочу, чтобы это длилось весь год. Я хочу разделить этот год с тобой и детьми.

Две пары глазенок в недоумении смотрели то на одного, то на другого. Что происходит? Папа ведет себя как герои мыльных опер, которые смотрела няня, а Куин — та просто тает С другой стороны, она делала печенье и елку и собиралась поместить их имена в книжке. С этим надо считаться.

Кейл хотел оставить Куин у себя на несколько дней, но он не мог не видеть огоньки, загоревшиеся в ее глазах, когда она описывала то, что ждет их на Ранчо высоких лугов. Она так давно хотела прийти с ним к себе в семью, провести праздник со всеми, кого любила. Куин заслужила это право. И было бы очень здорово увидеть вновь ее семью, купаться в лучах счастья, исходящих от этих людей, увидеть ее родителей, представить сыновей человеку, который был для них легендой. Увидеть Ская и впервые за многие годы провести праздник с Вэл.

— А не собрать ли нам одежду до того, как мы начнем выкапывать из снега твою машину? — Он встал, взял ее за руку и притянул к себе. Подозреваю, это будет первое Рождество, которое мы проведем вместе на асиенде Холистеров. Я готов, а ты?

Куин прижалась к нему, переполненная удивительным чувством: чудо каким-то образом нашло Дорогу в ее жизнь. Настоящее рождественское Чудо.

* * *

— А как же елка? — завопил Эрик.

— Она будет ждать нас, показы не вернемся, — успокоила его Куин.

— А ты вернешься с нами? — спросил Эван.

— Конечно, я вернусь с вами. Я же не позволю вам съесть все рождественское печенье без меня. — Открывая дверь, она взъерошила ему волосы. — Иди надень шапку, здесь холодно.

Натянув на уши шайку, Эван повернулся и торжествующе посмотрел на брата.

Наконец Эрик сказал:

— А она будет ну как, — он посмотрел на Кейла и сделал неловкий жест рукой, — как наша мама?

— Есть большая вероятность, что мы можем ей это позволить. — Кейл присел и посмотрел в лица детей. — А что вы скажете?

Дети задумчиво посмотрели друг на друга — Она неплохо готовит завтрак, — сказал Эрик.

— И она умеет делать гирлянды, — согласился Эван — Я слышу трактор Куин обернулась и увидела троих Маккензи, что-то заговорщицки обсуждающих Ребята, что это вы тут замышляете?

— Ничего, — хором ответили трое.

— Ох-хо-хо! — Куин закатила глаза. — На что я себя обрекаю?

* * *

Было уже около трех часов дня, когда "лендровер" спустился с гор мимо запыленных снегом деревьев, сверкающих на солнце, и оградок, согнувшихся под тяжким грузом. Из массивной каменной трубы поднимался и исчезал в небе дымок; они еще только приближались к дому, а Ранчо высоких лугов уже ласкало их теплом исходящей от него любви. Куин прикусила губу, нетерпеливо ожидая встречи со своими сестрами. В это время года сияние, казалось, окружало их семью.

Из большого кухонного окна Кэтрин смотрела на караван, состоящий из трактора и "лендровера", который двигался по свежерасчищенной дорожке. Она тяжело вздохнула.

Кто бы мог подумать, что столько лет спустя Кейл Маккензи вернется?

Обеспокоенно она посмотрела на "лендровер", который въехал во двор и остановился. С пассажирского сиденья поднялся человек. Он изменился — стал выше, стройнее, но лицо с мальчишеской улыбкой осталось прежним. Он всегда был красивым парнем, вспомнила Кэтрин. Такой красивый, что девчонки в школе бегали бы за ним стаями, если б не знали, что хотел он лишь одну.

Кэтрин неожиданно испытала нечто вроде чувства-вины.

Она никогда толком не знала, что стало причиной разрыва ее дочери с Кейлом тем далеким летом. Кэтрин попыталась аккуратно разузнать об этом, но туманные односложные ответы Куин ничего ей не сказали. Но Кэтрин видела, что ее дочь стала другой после отъезда Кейла из Ларкспура в Балтимор.

Если бы Кэтрин знала, как тяжело будет переживать Куин этот разрыв, разве отмела бы она так легко заявление дочери о вечной любви? И что более важно, как тяжело было Куин провести несколько дней с человеком, разбившим ей сердце, с единственным в ее жизни мужчиной?

О милосердные небеса, зачем он вернулся столько лет спустя?

Куин открыла дверцу, выскользнула из-за руля и встала на хрустящий под ногами снег. Из дома вышли Скай и отец, чтобы поприветствовать вновь прибывших. Поначалу мужчины поздоровались довольно-таки сдержанно, но по тому, как сердечно обнял Хэп Кейла, Кэтрин поняла, что примирение произошло. По крайней мере здесь все шло хорошо, подумала Катрин, зная, как гордился Хэп своим знаменитым протезе.

Кейл, обойдя машину, приблизился к Куин, которая разбиралась с чем-то на заднем сиденье. Он коснулся ее талии, и этот жест был весьма выразителен, а Куин повернулась к нему и улыбнулась такой счастливой улыбкой, что Кэтрин невольно задумалась. Боже мой, можно подумать, что... что они...

Неужели?..

Кэтрин чуть наклонилась вперед, вглядываясь в лицо дочери. У Куин всегда все можно было прочитать в глазах, и она прочитала это. Тот же взгляд, исполненный любви, доверия и полнейшей преданности, который был у нее двенадцать лет назад. Она светилась изнутри.

О боги!

Кэтрин присела на табуретку около окна, и слезы потекли по ее щекам. Куин любила его все это время, и все это время; чувство не угасало в ней. Кэтрин тяжело вздохнула. Разве могут родители знать, правильно ли они поступают в отношении своих детей? И если бы ей вновь пришлось решать судьбу своей семнадцатилетней дочери, поступила бы она так же, как двенадцать лет назад?

Возможно, нет, сказала она себе.

Немного успокоившись, Кэтрин поднялась и пошла поприветствовать дочь, как вдруг

увидела две маленькие фигурки. Она пригляделась. Конечно, Вэл говорила, что у Кейла было двое детей.

Кэтрин смотрела, как два укутанных человечка гонялись друг за другом и один наконец упал лицом в сугроб Он ворочался в снегу и никак не мог подняться, столько на нем было надето одежды Другой смеясь принялся ему помогать, и они оба завалились в сугроб Кэтрин рассмеялась. Сколько раз она наблюдала, как ее сыновья веселились так же.

Надо сказать Тревору, чтобы он поискал в сарае старые санки. Ребятишки были, похоже, подходящего возраста.

Парадная дверь открылась. Кэтрин подошла и увидела, как Лили здоровается с двумя заснеженными мальчишками с веснушчатými лицами и озорными глазами.

"Может, не так уж и плохо, что Кейл вернулся", — подумала она.

— Привет Мы ждали, когда вы сюда доберетесь. — Лили распахнула дверь Ты кто? — спросил один из малышей.

— Я — Лили. И я с бабушкой делаю рождественскую деревеньку из имбирного теста Хотите помочь делать маленькие домики?

— А мы будем их есть?

— Конечно, нет. — Лили посмотрела на него как на сумасшедшего. — Это же для деревеньки. В столовой Пойдем покажу Детские ботинки оставляли по пути от двери к кухне мокрые следы. Не в первый раз, подумала Кэтрин. Бог даст, не в последний...

— Мама, — позвала из прихожей Куин. — Я приехала.

Смотри, кто будет с нами на Рождество...

* * *

Это был великолепный канун Рождества, самый лучший, по мнению Куин. Все, кого она любила, собрались вместе в старом домике на ранчо. Как всегда, можно было съесть массу вкусных вещей, поиграть в игры и попеть песни, поделиться старыми воспоминаниями и запастись новыми.

В восемь часов все собрались у камина в большой комнате, веселые разговоры потихонечку утихли, когда Кэтрин позвонила в маленький серебряный колокольчик, который уже не первый год служил для этой цели.

— Любимые мои, — обратилась Кэтрин к семье, — пришло время для чтения. В этом году жребий выпал Скайлеру — Она протянула сыну ветхую копию "Рождественской ночи".

Встав в конце комнаты спиной к камину, Скай начал читать строчки, которые они все знали наизусть.

Куин сидела в кресле у окна и видела счастье в лице каждого, кто сегодня сидел в этой уютной комнате.

Это будет Рождество, полное неожиданностей, Рождество, которое она не забудет никогда.

"Не могу дождаться, когда мама и папа откроют свои подарки" Куин улыбнулась, представив своих родителей, нежащихся на мягких пляжах Сент-Томаса, пальмы позади них и прекрасное пастельно-голубое море, простирающееся до горизонта.

На другой стороне комнаты тугая на ухо, но не желающая это признавать тетя Сара наклонилась вперед, чтобы слышать, что читает Скай. Ее дочь Селена шептала Куин и

Санни, что она с сестрами и братьями купила матери кольцо с камешком от каждого отпрыска, присутствовавшего здесь Брат Селены, Кристиан, объявил о своей помолвке, а их сестра Алекса сообщила, что у нее будет двойня.

Любящим взором Куин смотрела на своих родственников.

Си-Си и ее двойняшка-брат Тревор, которые, казалось, никогда не старели; шикарная темноволосая Санни и прекрасная маленькая Лили, гордость клана Холистеров; Лиза, выглядевшая непривычно взрослой; грубовато-красивый Скай, красневший каждый раз, когда встречался взглядом с очень элегантной Вэлери Маккензи, сидевшей напротив него.

И — о чудо из чудес! — здесь был Кейл; он сидел на большой квадратной оттоманке напротив ее кресла спиной к ней, и его дети сидели непривычно тихо на коврик у его ног. Даже они были здесь как дома, чувствуя доброжелательную теплоту ее семьи. Она коснулась спины Кейла, и, не поворачиваясь, он слегка облокотился на нее, а она положила голову ему на плечо. Как прекрасно, что он здесь, что она может разделить с ним этот вечер! Все было так, как должно было быть.

Скай закончил чтение. Это было сигналом, что маленьким пора спать. Пройдя круг поцелуев от всех своих многочисленных тетушек и дядюшек, Лили отправилась на руках Санни в большую спальню на втором этаже. Эрик и Эван были переправлены в старую комнату Ская, где стояла кровать, на которой спал сам Кейл, когда был ребенком. Старшие — Скай, Тревор и Кейл — будут ночевать в старом флигеле через двор. Как только дети были уложены спать, началась суета: из потайных мест извлекали подарки и раскладывали их под елкой. Вскоре комната наполнилась смехом и пространство под елкой оказалось заполненным коробками. По традиции было разлито шампанское, и по кругу вновь отправились серебряные подносы с рождественским печеньем.

Под елкой осталось мало места, и Куин раскладывала свои подарки для семьи повсюду в комнате. Почувствовав на руке прикосновение Кейла, она обернулась и сказала:

— У меня нет подарка для тебя.

— Ты сделаешь его попозже, — улыбнулся он, — когда мы вернемся в домик. Уверен, ты что-нибудь придумаешь. А пока у меня есть кое-что для тебя.

— Правда?

— Угу. — Кейл взял ее за руку и повел к двери, где этим утром мама повесила веточку омелы. — Дай мне руку.

Заинтригованная, Куин протянула сразу две. На безымянный палец левой руки он намотал кусочек упавшей с елки фольги.

— Знаю, этого мало, — сказал он, — но, как только доберемся до Бозмэна, мы найдем что-нибудь более достойное. А пока придется ограничиться этим.

— Я всегда считала, что очень романтично обвенчаться в канун Рождества, — сказала она. — Но ты уверен?. Кейл, я не хочу, чтобы ты бросался с головой во что-то, в чем ты не уверен...

— Знаешь, после двенадцати лет раздумий нет ничего, в чем бы я был уверен более. А ты, Куин? — Я всегда была уверена, Кейл. Я никогда не любила никого, кроме тебя.

— Что ж, тогда решено. Может, нам стоит еще раз попробовать поговорить с твоими родителями?

Кейл обнял ее и начал медленно раскачиваться в такт милой рождественской мелодии. Она никогда не пробовала танцевать под песенку "Я буду дома к Рождеству", но, похоже, мелодия подходила.

Позднее, когда Куин мыла тарелки и фужеры, она остановилась перед окном, из которого открывался вид на горы Белоснежный пейзаж, бесконечно простирающийся сквозь ночь, блистал в свете яркой полной луны. Каким совершенным было все это! Каким чудесным! Она и не знала до этого момента, сколько любви способно вместить ее сердце. Ее семья, Кейл, мальчишки, все...

Она моргнула, наклонилась поближе к окну, и улыбка озарила ее лицо Там, у ограды, стояла темная фигура и смотрела на ранчо.

Пальцами правой руки Куин коснулась украшенного морозным узором стекла — Спасибо, бабушка, — прошептала она.

— О чем ты думаешь? — В окне отразилось лицо Кейла, он подошел и обнял ее сзади. — Ты думаешь о всех тех рождественских праздниках, которые мы пропустили?

— О нет! — ответила Куин, оборачиваясь и притягивая его лицо для поцелуя — Я думаю о всех тех рождественских праздниках, которые нам предстоят!